

ISSN 2410-2164

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ВЫПУСК №61

Российский химико-технологический
университет имени Д.И.Менделеева

ИМСЭН-ИФХ

МОСКВА
2024

**Исторический вестник
РХТУ
им. Д.И. Менделеева
№ 61 (1) 2024 г.**

Учредитель

Мнение редакции может
не совпадать с позицией
авторов публикаций

Перепечатка материалов
разрешается
с обязательной ссылкой
на «Исторический вестник
РХТУ им. Д. И. Менделеева»

Отв. редактор Жуков А.П.
Отв. секретарь Денисова Н.Ю.
Верстка Ильин А.Ю.
Обложка Батов А.В.

Сдано в печать 16.04.2024
Усл. печ. л. 5,0.
Тираж 100 экз. Заказ №

**Центр истории РХТУ
им. Д. И. Менделеева
и химической технологии**

Адрес университета:
125047 Москва,
Миусская пл., дом 9.
Телефон для справок
8-499-978-49-63
E-mail: mendel@muctr.ru

Электронная версия:
[muctr.ru/university/
departments/cis/historical-
messenger/](http://muctr.ru/university/departments/cis/historical-messenger/)

© Российский химико-тех-
нологический университет
им. Д.И. Менделеева, 2024

Содержание

КОЛОНКА РЕКТОРА	3
ДОКУМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛА ПОДГОТОВКИ НОВЫХ КАДРОВ УЧЕНЫХ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ	4
ВОСПОМИНАНИЯ В СТЕНАХ МЕНДЕЛЕЕВКИ Воспоминания о В.Б. Шевченко	5
МЕНДЕЛЕЕВЦЫ ВЫПУСК ФИЗХИМИКОВ 1953 Г. Листаем семейные архивы	11
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ Н.А. Черноплеков	15
ВНИИХТ — ВЫПУСКНИКИ ИФХ	18
ДОСЬЕ С ВОЕННЫХ ПОЛЕЙ — НА АТОМНЫЙ ФРОНТ Выпускники ИФХ — участники ВОВ	19
ВЫПУСКНИКИ СПАСИБО, МЕНДЕЛЕЕВКА Моисеенко Н.И.	21
ФИЗХИМ — КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ... Свитцов А.А.	23
ЛУЧШАЯ ГРУППА 1976 Г. Выпуск 1978 г.	25
ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ ФИЗХИМИКОВ	27
МЕНДЕЛЕЕВЦЫ ГЕНЕРАЛЫ МИУС	28
ПУБЛИКАЦИИ СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ПОКОЛЕНИЙ Буянов Р.А.	31

Вручение дипломов выпускникам ИМСЭН — ИФХ в феврале 2024 г.

Уважаемые коллеги – менделеевцы!

18 декабря 1948 г. вышло Постановление Совета Министров СССР № 4638-1815 сс за подписью Председателя Совета Министров Союза ССР И. Сталина, в котором требовалось обеспечить подготовку специалистов для Первого главного управления СМ СССР (Атомный проект). По этому Постановлению уже в 1950 г. (!) Менделеевка должна была выпустить 125 специалистов из «имеющегося контингента студентов» - 85 инженеров по «технологии естественных и искусственных радиоактивных веществ» и 40 по «разделению изотопов легких элементов».

У колыбели нового факультета с названием «Инженерный физико-химический факультет» стояли знаменитые менделеевцы С.В. Кафтанов, Н.М. Жаворонков, Д.А. Кузнецов, Н.П. Сажин, Б.Б. Кудрявцев и приглашенные ведущие специалисты страны О.Е. Звягинцев, В.Б. Шевченко, Г.К. Боресков, И.В. Петрянов и др.

Факультет стал флагманом подготовки специалистов для атомной энергетики нашей Родины.

61-й выпуск «Исторического вестника РХТУ» посвящен 75-летию ИМСЭН-ИФХ – людям, делам, традициям. Присоединяюсь к горячим поздравлениям юбиляру и его многочисленным питомцам. Успехов во всех ваших заботах и начинаниях.

И.о. ректора

Илья Воротынцев

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛА ПОДГОТОВКИ НОВЫХ КАДРОВ УЧЕНЫХ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

«Ни одно государство не может обойтись без кадров своей интеллигенции, квалифицированных специалистов всех отраслей знания, культуры и техники.

Несмотря на большие успехи в деле подготовки специалистов в СССР некоторые отрасли науки и техники отставали в своем развитии. К таким отраслям относятся прежде всего физика и радиохимия; по этим отраслям науки специалистов готовилось значительно меньше по сравнению с другими отраслями науки и техники.

Решение атомной проблемы потребовало развернуть в невероятно короткие сроки огромный объем самых разнообразных научно-исследовательских, конструкторских и опытных работ, широким фронтом провести строительство горно-химических, химико-металлургических и атомных предприятий. Для этого требовалось огромное количество специалистов. Сложные машины, точные приборы и аппараты требовали хорошо подготовленных людей.

Вопросами подготовки кадров Специальный комитет начал уделять серьезное внимание уже с первых дней своей организации. Одним из первых мероприятий в деле подготовки кадров было переключение на ядерную физику наиболее талантливых физиков, близких к вопросам ядерной физики, но еще не использованных на этих работах.

На практической работе, при выполнении конкретных исследований специалисты

смежных с ядерной физикой областей науки и техники быстро овладевали новой специальностью.

Организация регулярных семинаров по наиболее важным вопросам ядерной физики облегчила втягивание и приобщение этих людей к новой специальности. Но одних этих мероприятий было далеко недостаточно - необходимо было быстро вовлечь в работы по ядерной физике армию специалистов, а эту армию требовалось создать в очень короткие сроки.

По решению Совета Министров СССР №4638-1815 от 18.12.1948 г., подготовка специалистов для атомных заводов и институтов, работающих по атомной проблеме, была организована сразу же в 17 высших учебных заведениях страны. В этих вузах были созданы специальные факультеты. По каждой специальности были составлены учебные планы и программы. Необходимо было готовить не только специалистов старых специальностей, но также и новых, подготовки которых ранее совершенно не было. Готовить не только физиков, но и инженеров-физиков для управления атомными котлами, машинами и электромагнитными установками для разделения изотопов урана, мощными ускорителями и др. Необходимо было готовить не только радиохимиков, но также радиохимиков-технологов для руководства радиохимическими цехами атомных заводов.

В целях быстрейшей подготовки специалистов Советом Министром было предложено

проводить комплектование старших курсов специальных факультетов путем перевода на них наиболее успевающих студентов других факультетов и других высших учебных заведений. *(Так, на ИФХ факультет Менделеевки были переведены студенты из МИТХТ им. М.В. Ломоносова, Ивановского ХТИ, Ярославского технологического института резиновой промышленности и др.)*

По вопросам подготовки специалистов для атомных заводов и институтов Правительством было принято за время с 1946 по 1951 г. четыре больших решения. В результате принятых мер по организации дела подготовки кадров на специальных факультетах к 1951 г. эти факультеты смогли подготовить свыше 2700 специалистов в том числе 1500 физиков разных специальностей.

Необходимые сведения по новой специальности молодые специалисты получали, проходя практику на опытных установках и заводах. Таким образом, дело подготовки новых кадров по наиболее дефицитным специальностям получило крепкую основу».

Отмечая сегодня 75-летие начала подготовки специалистов для атомной отрасли в стенах Менделеевского университета, публикуем документ из сборника:

– *Атомный проект СССР: документы и материалы. Т.2. Кн.5. Стр.878-880*

– *Материалы к сборнику по истории овладения атомной энергией в СССР.*

В СТЕНАХ МЕНДЕЛЕЕВКИ

Воспоминания о В.Б. Шевченко

Виктор Борисович Шевченко (1906-1981) был директором НИИ-9 в самый тяжелый период, в годы создания первой советской атомной бомбы. Он собрал первый мощный коллектив ученых, который блестяще справился со всеми задачами того времени. Он подготовил хорошую почву для своего преемника - второго директора института академика А. А. Бочвара.

Профессор Шевченко был признанным лидером в области переработки облученных ядерных материалов. Последовательно и упорно он развивал исследования по экстракции, электрохимическим методам переработки топлива, созданию и внедрению центробежных экстракторов. Под его непосредственным руководством были разработаны, а затем успешно внедрены на комбинате «Маяк» в промышленность технологические процессы переработки облученных стандартных урановых блоков и отработавших твэлов атомных реакторов различного назначения.

Виктор Борисович очень любил общаться с молодежью, всячески поддерживал инициативу и самостоятельность мышления. И не случайно рядом с ним выросло большое количество квалифицированных специалистов, пользующихся авто-

ритетом и уважением в отрасли и считающих Виктора Борисовича своим учителем.

Он успешно совмещал работу в НИИНМ с преподавательской должностью профессора на ИФХ факультете МХТИ с момента его образования. Им были созданы ключевые специальные курсы по технологии урана и облученного ядерного горючего, написаны первые учебники для физхимиков.

Публикуем главу из книги **«Виктор Шевченко - атомщик и металлург»** с воспоминаниями об учителе первых физхимиков, студентов кафедры технологии редких и рассеянных элементов разных лет.

Наталья Зайцева, выпуск 1950 г.

С именем Виктора Борисовича Шевченко у меня связаны воспоминания о времени конца 40-х - начала 50-х годов прошедшего века, когда возникла атомная отрасль (наука, проектные дела, промышленность) и, в частности, стояла задача быстро и качественно подготовить для нее кадры. Тогда во многих вузах корректировали планы выпуска специалистов, открывали новые факультеты... Этот процесс затронул и МХТИ, где я училась в те годы.

В феврале 1949 года группу студентов 4-го и 5-го курсов с разных факультетов института пригласили на закрытое собрание в Малый актовый зал: оказывается, создают инженерный физико-химический факультет (до этого я была студенткой топливного факультета), и нас переводят туда. С этого момента началась усиленная учеба по дополнительным разделам высшей математики, физики, химии.

В сентябре 1949 года наш ИФХ факультет, состоящий

теперь уже из студентов 5-го и 6-го курсов, занял отдельное соседнее здание. Его обустройство шло параллельно с учебными занятиями. Таким образом нам создали необходимую по тем временам автономию для соблюдения секретности изучаемых дисциплин. Все лекционные и семинарские пронумерованные тетради с записями хранились после занятий на факультете. Подготовка к экзаменам тоже проходила в аудиториях, почти коллективно. Нас разделили на группы, соответствующие специализации по технологии ядерного топлива и технологии разделения изотопов.

Меня зачислили в первую из них (нашего согласия не спрашивали, да мы и не могли сделать выбор). Технологию преподавал Виктор Борисович Шевченко. Перед нами предстал специалист из промышленности, отличающийся необыкновенной основательностью не только по внешнему виду, для нас студентов, но и по знанию дела. Он излагал нам теоретический и практический материал в чрезвычайно концентрированном виде. А отсутствие соответствующих книг создавало впечатление, что мы слушали курс, создаваемый прямо «по ходу дела». Подкрепляемый схемами, которые тут же чертились на доске (теперь мы встречаем их в открытой литературе), он читался так, что был нам понятен.

Сейчас, через столько лет, мне вспоминаются именно основательность и простота, с какими Виктор Борисович читал нам лекции и принимал экзамены. Именно основательность была для студентов свидетельством его высокого профессионализма.

**Валентина Савельева,
выпуск 1950 г.**

Мы ловили каждое слово

Как лектор, Виктор Борисович Шевченко был сдержан и даже суров, но ореол человека, стоящего у истоков радиохимической технологии, вызывал к нему уважение. Конечно, по эмоциональности он уступал остроумному, общительному О.Е. Звягинцеву или талантливому интерпретатору Н.П. Сажину. Однако главное не в этом, а в научно-практической насыщенности материала. И здесь В.Б. не уступал своим более красноречивым коллегам.

Мы ловили каждое слово. Никакой необходимой литературы в изучаемой области в то время еще не было, и все сведения о закрытой технологии мы получали только из лекций, которые записывали в специальные тетради. Не могло быть и речи унести их домой, разрешалось заниматься только в кафедральных аудиториях.

Надеюсь, у многих моих однокашников осталось навсегда чувство благодарности к учителям, которые делали все возможное, чтобы мы овладели необходимыми знаниями и стали нужными специалистами.

**Борис Мясоедов,
выпускник 1953 г.**

Мне посчастливилось познакомиться с В.Б. Шевченко, будучи студентом Московского химико-технологического института, в котором Виктор Борисович читал курс лекций по технологии редких металлов.

В относительно далекое от нас время — во второй половине 40-х годов теперь уже прошлого века в СССР широким фронтом проводились работы по созданию и совершенствованию атомного оружия: шел активный поиск новых урановых месторождений по всей территории огромного Советского Союза, разрабатывались новые мето-

ды обогащения изотопов урана, создавались первые промышленные ядерные реакторы для накопления весовых количеств плутония, совершенствовалась технология переработки облученного урана с целью выделения делящегося компонента... По сути дела, рождались новые области науки, принципиально новые технологии, приборы и оборудование. И всё это — в условиях глубокой тайны...

Наступившая эпоха в науке и технике требовала срочной подготовки специалистов для работы с радиоактивными веществами (в области ядерной физики, радиохимии, химии изотопов, ядерной химической технологии, радиационной химии, нового материаловедения и других). В целом ряде высших учебных заведений были организованы специальные «закрытые» факультеты для чтения лекций студентам, будущим исследователям и работникам создаваемых предприятий, были привлечены ведущие ученые, в том числе В.Б. Шевченко. В МХТИ был создан инженерный физико-химический факультет, на который перевели лучших студентов других факультетов и других химических вузов Москвы. Я, будучи студентом органического факультета, после третьего семестра продолжил учебу уже на ИФХ. Надо отметить, что учеба шла очень интенсивно, были введены новые курсы обучения. Лекции проводились обычно во второй половине дня, чтобы лекторы-ученые могли бы уделить этому свое время. Эти лекции, очень интересные и содержательные, незабываемы до сих пор.

С большой благодарностью мы вспоминаем наших первых учителей. Среди них хочется отметить В.Б. Шевченко. На старших курсах лекции читали такие ведущие ученые и педагоги, как Н.П. Сажин, Т.К. Боресков, О.Е. Звягинцев, А.П. Зефирова, Б.В.

Громов, В.В. Фомин, З.В. Ершова, И.В. Петрянов и др. Многие из них уже имели самые высокие государственные награды и премии, были или вскоре стали членами-корреспондентами АН СССР. Многие из преподавателей являлись непосредственными участниками отечественного атомного проекта или ведущими специалистами в различных научных или технических областях, причастных к решению его разнообразных проблем.

Сложность момента состояла в том, что даже на «закрытом» факультете (лекции студенты записывали в особых тетрадях, которые хранились в Первом отделе) о многом говорилось иносказательно, а на кафедре № 43, где я учился и которая готовила инженеров, специальности называли по номерам. В.Б. Шевченко был доброжелательным, требовательным и загадочным для студентов преподавателем. Мы знали, что он руководил большим коллективом и отвечал за решение государственных задач.

В дальнейшем мы встречались с В.Б., когда я стал научным сотрудником, руководителем лаборатории (в ИОНХ АН СССР). Думается, достижения бывших студентов во многом обусловлены хорошей школой, которую создавали В.Б. Шевченко и его коллеги.

**Иван Заславский,
выпускник 1950 г.**

(Материал на стр. 20)

Отдельную группу МХТИ (10-12 человек) набрали из бывших студентов Ивановского химико-технологического института: последний год обучения они занимались на вновь открытом физико-химическом факультете. Здесь царила атмосфера повышенного внимания к прикладным, промышленно значимым предметам. Нас особенно интересовали материалы, которые очень толково, доходчи-

во и увлекательно преподносил лектор В.Б. Шевченко. Это были новые страницы науки и производства, причем последнее доминировало в лекциях Виктора Борисовича.

Своим видением перспектив Шевченко увлек многих из нас, определил выбор будущей работы. Поэтому и учились мы с особым упорством, настойчивостью, на «отлично». И, как результат, ответная реакция лектора: из числа ивановцев, окончивших МХТИ, четверых пригласили в московский НИИ, который возглавлял Шевченко.

Мне же В.Б. предложил пойти в аспирантуру и выполнить диссертацию под его руководством. Определяющим стали не только мои экзаменационные оценки, но и, как говорил он сам, «имеющийся у меня жизненный опыт». Дело в том, что среди дипломников-ивановцев, только я воевал, причем с 1941-го. Демобилизовался в 1945-м техником-лейтенантом. Имел семью, дочку. Шевченко знал все эти обстоятельства, и они соответствовали его жизненной позиции: он всегда, и в данном случае, не признавал «мальчишества» в серьезных делах.

Не остались без внимания Виктора Борисовича и трое других ивановцев, принятых в НИИ-9.

**Валентин Колтунов,
выпуск 1950 г.**

Слушать его было непросто

Виктора Борисовича Шевченко я узнал, когда учился в МХТИ. Нам, студентам первого выпуска физико-химического факультета, он читал «Технологию извлечения и аффинажа урана, тория и других металлов из руд». Этот курс и лекции таких известных ученых, как О.Е. Звягинцев, В.В. Фомин, В.К. Марков, Н.П. Сажин, были в то время единственным источником знаний в области только нарождающейся атомной промышленности. Понятно, с каким интересом и

вниманием мы воспринимали каждое слово лектора: ведь в то время не было никаких учебников или специальной литературы по технологии урана и переработке облученного ядерного топлива.

Виктор Борисович, прежде всего, отличался, на мой взгляд, глубоким знанием практических вопросов, но слушать его было непросто. Согласитесь, далеко не каждый лектор обладает ораторскими способностями. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что найти подходящий материал для чтения лекций было трудно, и В.Б. часто ориентировался на сходные процессы в цветной металлургии.

Но эти личные впечатления не умаляют того бесспорного факта, что Виктор Борисович стремился передать нам как можно больший объем нужной информации, лучше подготовить нас к исключительно сложной, во многом пионерской тематике.

Если вспомнить время создания института, то очевидно: Виктор Борисович Шевченко понимал, что для решения задач, связанных, прежде всего, с созданием атомного оружия, нужны молодые специалисты, уже знакомые, пусть пока еще не глубоко, с азами новых наук, особенно с химией актинидных и редкоземельных элементов.

В декабре 1949 года по инициативе Шевченко многие студенты физико-химического факультета МХТИ были направлены в НИИ-9 - сначала для прохождения преддипломной практики, а затем и для выполнения дипломных работ. Затем этих молодых специалистов зачислили в штат института, и в последующие годы большинство из них стали известными учеными, кандидатами и докторами наук. Замечательным было личное внимание В.Б. к молодым научным кадрам, он по-отечески заботился о них. Приведу один

пример из собственной жизни. Как-то получилось так, что из числа выпускников МХТИ 1950 года, отобранных Виктором Борисовичем для работы в «девятке», только я не получил туда направление. Узнав об этой «ошибке», В.Б. не постеснялся потревожить лично министра об изменении моего места работы, что и было сделано. Добавлю к этому: при остром дефиците жилья Шевченко предоставил нам с женой отдельную комнату в единственном в то время жилом доме, принадлежавшем институту.

**Этвальд Ненарокомов,
выпуск 1955 г.**

Впервые я увидел Виктора Борисовича (в те годы молодежь называла его «Викбор»), будучи студентом (1950-1955 гг.) физико-химического факультета МХТИ. С уважением и неосознанным страхом студенты показывали на него и шепотом передавали «секретную» информацию о том, что этот громадный человек является директором сверхзакрытого, «атомного» научно-исследовательского института. Тогда я не мог и представить себе, что моя трудовая деятельность надолго будет связана с этим «мифическим» человеком. Но судьба определила именно так. Уже на 5-м курсе я слушал его лекции по технологии получения урана и консультировался с ним по одному из учебных проектов. Студенты того поколения в узком кругу подшучивали над способностью Виктора Борисовича позволять некоторые вольности при написании различных химических формул, но будущее сотрудничество с ним показало, что Шевченко постоянно работал над своей научной эрудицией и обладал высочайшими профессиональными знаниями, подтверждением чему явились написанные им книги по специальности.

Выпускники ИФХ 1955 г. Фото из архива В. Чубукова (сидит крайний справа)

**Владимир Ревякин,
выпуск 1953 г.**

Я познакомился с Виктором Борисовичем, будучи студентом. Он читал нам на старших курсах спецтехнологию. Так вот, в отличие от многих Шевченко, может быть, не очень хорошо владел устной речью, иногда над ним, его выражениями посмеивались. Но он, практик, прекрасно знал производство и умел рассказать о технологии весьма предметно, доходчиво, ярко объяснить будущим инженерам суть дела.

Экзаменуя, любил задавать нетрадиционные вопросы на сообразительность. Главное для него — как ты мыслишь. Поэтому сдавать было и трудно, и легко. «Потопить» не стремился. Предпочитал разговорить, раскрепостить студента...

**Всеволод Чубуков,
выпуск 1955 г.**

В аудитории № 408 тогда «секретного» серого корпуса Менделеевки профессор Виктор Борисович Шевченко в течение года читал нашему курсу лекции по химической технологии урана. Мы сразу отметили, что лектор был крупным техноло-

гом-практиком по получению не только урана, но и многих цветных металлов.

Рядом со мной за столом сидел Николай Крот, впоследствии блистательный ученый отечественной радиохимической науки. Он не раз задавал Виктору Борисовичу сложные вопросы по теории процессов выделения целевого металла, на которые тот «с листа» порой ответить не мог. В этом случае Шевченко, заканчивая лекцию, всегда заверял нас, что на все наши вопросы ответы мы получим в следующий раз. И слово свое держал.

**Николай Крот,
выпуск 1955 г.**

Мне кажется, Виктор Борисович прирожденным лектором не был. Скорее, специалист-практик, организатор. Здесь он, что называется, на коне. А вот ораторскими способностями Господь его не наделил. Читал по записям, случались оговорки. Студенты иногда подшучивали над ним.

С другой стороны, почвы-то для витийства не было. В лекциях излагался не привычный, обкатанный текст, когда препода-

ватель может себе позволить расслабиться, а то, что рождалось в исследовательских лабораториях: вчера — на опытной установке, сегодня — в изложении перед студентами. Да и сам предмет требовал строгости, точности. К тому же учебников не было...

**Александр Пушкин,
выпуск 1954 г.**

Виктор Борисович читал лекции неторопливо, негромким, глуховатым голосом. Четко излагал содержание, не допуская лишних слов. Иногда изменял интонацию — если хотел подчеркнуть то или иное важное положение. Я бы сказал, суховаато, без юмора. За ним было легко записывать, что облегчало нам подготовку к экзаменам.

**Александра Ревина (Бродова),
Олег Ларионов,
выпуск 1955 г.
Никогда не унижал
студентов**

Виктор Борисович Шевченко читал нам курс технологии радиоактивных элементов на 4 и 5 курсах физико-химического факультета МХТИ. Плотный, крепко скроенный, интеллигентный мужчина, уверенный и доброжелательный, он входил на кафедру и начинал лекцию. В то время у нас не было учебников по предмету, и все основные знания мы черпали из его лекций. Они были содержательны, с большим объемом фактического материала. Хотя как лектор Шевченко не блистал, в нем чувствовался отличный профессионал-практик.

В.Б. отличало уважительное отношение к студентам. Чтобы студенты были внимательнее, он иногда во время лекции рассказывал интересные случаи из своей жизни. Но это не значит, что он заискивал перед нами.

Будучи ведущим специалистом в своей области (о чем мы сначала только догадывались), Шевченко никогда не унижал

студентов и всегда стремился, чтобы мы как можно лучше овладели предметом. Принимая экзамены, он всегда был доброжелателен и, если студент чего-то не знал или не понимал, подсказывал, как ликвидировать пробел.

**Эдуард Ренард,
выпуск 1957 г.**

Как молодость жестока!

Первый личный контакт с В.Б. — сдача экзамена (январь 1956 г.). После ответа «на билет» — вдруг вопрос по моей производственной практике 1955 года на комбинате Южуралникель (г. Орск, поселок Никель): «А что Вы еще видели на конвертерах в цехе выплавки файнштейна?». И, довольный моим молчанием, стал объяснять, как поступают, чтобы избежать застывания расплава в случае аварийной приостановки дутья, и какими механизмами снабжен конвертер на этот случай...

Видимо, как преподаватель он не всегда чувствовал себя уютно. Бывало, запутывался в написании длинных формул, и тогда из аудитории раздавался ехидный вопрос: «А спрашивать ее на экзамене Вы будете?» — «Не буду...», — следовал вызывавший одобрение ответ.

Вспоминали рожденный предыдущими курсами стишок («учись, студент, снимая пенки, у «дуба» нашего — Шевченки...»). Как молодость жестока!

**Евгений Дзекун,
выпуск 1960 г.**

С Виктором Борисовичем Шевченко судьба свела меня в 1957 году, когда я учился на 4 курсе Московского химико-технологического института. Он читал так называемую «спецтехнологию». Лекции запомнились тем, что он очень просто и доступно объяснял основные проблемы наработки оружейного плутония, технологии обращения с отслужившим ядерным топливом и, в рамках разрешен-

ного, рассказывал о состоянии работ в Советском Союзе.

Уже тогда в своих лекциях В.Б. детально преподнес нам, одним из немногих, кто имел «допуск», труды первой Женевской конференции по атомной энергии — в части технологии обращения с ОЯТ. К тому времени перевода этих трудов не было, они появились позже, а Виктор Борисович приносил на лекции материалы конференции и прямо с листа объяснял зарубежные достижения. Конечно, до многого нам приходилось додумываться, тем более что никакого представления о советской технологии, в силу известных причин, мы не имели.

Особое впечатление на нас производили его регулярные «воспитательные моменты»: он говорил, что многие проблемы технологии не решены и решать их придется нашему поколению. Эти его слова оказались пророческими, и немало выпускников нашего потока по окончании института, работая в НИИ или на предприятиях, оказались так или иначе связанными с реконструкцией заводов по наработке оружейного плутония, созданием первого в Советском Союзе завода для регенерации ОЯТ, разработкой новой техники и технологии.

Насколько строг, даже суров был В.Б. Шевченко в рабочей обстановке, настолько иным он предстал в неформальном общении — дружелюбный, остроумный, душевный. А какой рассказчик! Слушать его воспоминания мы готовы были до бесконечности...

**Юрий Носач,
выпуск 1960 г.**

В.Б. Шевченко я слушал в 1957-1958 годах, когда учился на ИФХ факультете Московского химико-технологического института. Лекции всегда были интересны, насыщены хорошим конкретным материалом, но без привязки к месту события. Чув-

ствовалось, что он многое знает, но в силу известной в то время обстановки не может дать конкретной информации по применению того или иного технологического процесса на практике.

Однако совсем скоро, уже в 1959-1960 годах, я был приятно удивлен глубиной и большой практической ценностью прочитанного им материала. В это время я проходил преддипломную практику на знаменитом ныне и известном во всем мире ПО «Маяк» (тогда это был п/я 21 Минсредмаша). Оказалось, что в лекциях по спецтехнологии почти в полном объеме (за исключением некоторых специфических параметров) излагалась действующая на предприятии технология извлечения урана и плутония из облученного ядерного топлива и глубокая очистка этих элементов от продуктов деления. Вот тогда я в полной мере оценил и осведомленность Виктора Борисовича, и смелость, которая, думаю, требовалась от преподавателя, знакомящего студентов с таким материалом.

По учебникам, в основе которых были лекции В.Б., училось не одно поколение студентов инженерного физико-химического факультета Менделеевки.

**Евгений Гиткович,
выпуск 1963 г.**

Впервые я увидел Виктора Борисовича, учась на 3-м курсе МХТИ, где он читал спецкурс. С первого появления в аудитории он сразу завоевал нашу симпатию: высокий, подтянутый, словом — гигант. На лекциях Шевченко поражал нас своими знаниями технологии и умением доходчиво изложить основные вопросы процессов.

**Валерий Сергиевский,
выпуск 1963 г.**

В.Б. Шевченко принадлежит к поколению ученых и производственников, которые обеспечили не только создание отечествен-

ной атомной промышленности, но и внесли весомый вклад в подготовку кадров для нее. Мне посчастливилось в 1961-1962 гг. прослушать курс лекций по технологии переработки облученного ядерного топлива, который Виктор Борисович читал на инженерном физико-химическом факультете МХТИ. Естественно, восприятие Виктора Борисовича студентами невольно преломлялось через впечатления о фильме «Девять дней одного года»: героизм работы с радиоактивными материалами, сочетающийся с романтикой освоения нового вида энергии для решения главных, как в то время представлялось, задач государственной безопасности.

На мой взгляд студента, курс лекций Виктора Борисовича был перегружен избыточными деталями. Помню, он долго переписывал с конспекта на доску данные по коэффициентам расщепления практически всех продуктов деления на отдельных стадиях Пурекс-процесса. Мне казалось очевидным, что этот материал является второстепенным, и его запоминать смысла не имеет. Каково же было мое удивление, когда этот вопрос достался мне на экзамене. Я смог дать лишь схематичный ответ и схлопотал тройку, единственную за мою студенческую жизнь.

При изложении рутинных материалов курса Виктор Борисович был погружен в себя. Много позже на собственном опыте я осознал: при значительных перегрузках, когда голова даже при чтении лекции до предела занята решением текущих проблем, без конспекта трудно обойтись. Виктор Борисович внезапно оживлялся, рассказывая о технологических инцидентах. Разумеется, по правилам игры происшествия происходили на радиохимических производствах США. Многие из этой информации прочно осело в памяти и в той или иной мере ис-

пользуется в моей лекционной практике.

В глазах студентов Виктор Борисович был сродни героям поименованного выше фильма. Про его жизнь рассказывали различные легенды. Искренне жаль, что опыт людей, создающих новые наукоемкие технологии, мало востребован современной образовательной системой. Именно живое слово, «непроцеженное» через методическое сито, анализ массы деталей, которые складываются в единое на твоих глазах, способствует получению прочных знаний.

Эдуард Раков, выпуск 1962 г.

Виктор Борисович, удивительно скромный человек, внес громадный вклад в развитие отечественной промышленности. Он не стремился «подавать себя» и, по моему убеждению, заслуживает гораздо большего почета и славы, чем то, что досталось ему при жизни. Лишь один памятник, оставленный им, находится на виду, хотя с десятилетиями утрачивает свой блеск, — это вышедшая в 1961 г. знаменитая книга «Технология урана».

Шевченко передал созданный им курс технологии урана Б.Н. Сударикову и в 1960-61 гг. читал нам, тогдашним студентам кафедры, довольно обширный и насыщенный курс технологии облученных материалов. На экзамене подготовленных заранее билетов не было, и вопросы экзаменатор диктовал устно. Студентов было много — две группы по 25 человек, и когда запас вопросов, освещенных на лекциях, исчерпывался, В.Б. спрашивал сверх программы, например по экспозиции павильона «Атомная энергия» на Выставке достижений народного хозяйства. Он полагал, что студенты кафедры, конечно же, не должны ограничиваться знаниями, полученными на лекциях.

Александр Чекмарев, выпуск 1960 г.

Виктор Борисович читал нам курс лекций «Химическая технология облученного ядерного горючего». Он производил впечатление человека, знающего предмет. Однако довольно часто случались казусы. Например, пишет реакцию растворения какого-то материала в азотной кислоте. А коэффициенты в уравнении уж необычные. Быстро прикинув, мы понимаем, что при столь экзотических коэффициентах реакция еще и не уравнивается.

Кто-нибудь отважился, и с места раздавалось: «Виктор Борисович, а ведь не уравнивается...» В.Б. обычно какое-то время смотрел на доску, потом говорил: «Могу Вас отослать к докладу...» И далее следовала соответствующая ссылка на ученых. «Уравнение оттуда...».

Скорее всего, Шевченко не был прирожденным педагогом. Но это не умаляет его заслуг как преподавателя. Ведь мы учились (конец 50-х годов), когда многое еще было сыро, не отработано, читалось «с листа». Хотя нашей специальности уже исполнилось десять лет, но сами ядерные технологии постоянно развивались, обновлялись... Только позже и при участии В.Б. студенты получили учебники, которыми в значительной степени можно пользоваться и сегодня.

Но всё же он был учёным в гораздо большей степени, чем педагогом. Такое у меня сложилось мнение... А вообще скажу вот что. Мы, физхимики, были счастливы учиться у прекрасных преподавателей. Начиная с первого курса мы встречались с людьми, многих из которых мы помним, перед иными преклоняемся, стараемся подражать. И как порой странно слышать от сегодняшних выпускников, что у них в памяти почти не осталось имен любимых лекторов. Это не только странно, но и очень грустно...

ВЫПУСК ФИЗХИМИКОВ 1953 Г.

Листаем семейные архивы

Перед нами фотография выпуска физхимиков декабря 1953 года. В Центр истории РХТУ ее вместе с другими документами в 2021 г. передала Елена Алиханова (ИВ №58/2022, с.11) дочь наших выпускников.

Официально первый набор на 1-й курс вновь созданного ИФХ факультета был организован лишь в 1949 г. Поэтому выпускники 1953 г. поступали в 1948-м на другие факультеты Менделеевского института. Так, Павел Алиханов и Николай Черноплеков отучились полтора курса на органическом факультете, Юрий Вамберский на ТНВ, Олег Кедровский на ХТС, Карл Сакодынский на топливном.

Публикуем список выпускни-

ков-изотопщиков с уточненными данными архива РХТУ и материалы на тех из них, что удалось обнаружить на сегодняшний день, с надеждой, что траекторию жизненного пути остальных постепенно тоже удастся восстановить.

1. Конкина Анна Николаевна
2. Алексеенко Гертруда Кузьминична
3. Громогласов Юрий Алексеевич
4. Томилов Борис Иванович
5. Алиханов Павел Петрович
6. Шестопапов Владимир Валерьевич
7. Багров Георгий Николаевич
8. Вамберский Юрий Владимирович
9. Корецкий Геннадий Александрович
10. Авсеенко Михаил Александрович
11. Краснобаева Нина Михайловна
12. Горбунов Анатолий Иванович
13. Крошкин Виктор Михайлович

14. Никифорова Тамара Владимировна

15. Назаркин Виктор Степанович

16. Поповский Владислав Владимирович

17. Суздальцева Светлана Федоровна

18. Кедровский Олег Валерианович

19. Попов Александр Иванович

20. Куреленко Анатолий Иванович

21. Сакодынский Карл Иванович

22. Черноплеков Николай Алексеевич

23. Свечкина (Ивановская) Людмила Николаевна

24. Бескова Галина Сергеевна

25. Кульмин Александр Андреевич

26. Гаврилов Евгений Яковлевич

27. Егорчева Зинаида Максимовна

28. Прозоровская Елена Николаевна

29. Ивановский Геннадий Фомич

30. Соцков Анатолий Петрович

2. Обнаружили ссылку на книгу «Загадки чудесных волокон».- Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1966. - 24 с.: ил.; 20 см. Автор Леденкова Гертруда Кузьминична. Судя по названию, речь идет об искусственном волокне, а редкое имя дает надежду, что это наша Алексеенко Г.К.

3. Несколько патентов на изобретения, сделанные в п/я, на имя Громогласова Юрия Алексеевича в 1970-х годах.

4. Томилов Б.И. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые вопросы кинетики и механизма электроорганических реакций» в 1962 г. в Днепропетровском хим.-технол. ин-те им. Ф. Э. Дзержинского.

5. Алиханов П.П. - В 1961 г. за-

щитил кандидатскую диссертацию в МХТИ им. Д.И. Менделеева. Стр. 15

6. Шестопалов В.В. (1924 - 1978) - профессор факультета КХТП Менделеевски, участник Великой Отечественной войны. Материал о нем опубликован в Историческом вестнике РХТУ № 31/2010 г. и книге «Профессора Университета Менделеева. XX век». 2007.

7. Багров Г.Н. - в 1974 г. зарегистрировал патент в специальном конструкторском бюро г. Рыбинска предприятия П/Я М-5409.

8. Вамберский Ю.В. - участник ВОВ, кавалер ордена Красной Звезды. См. стр. 20.

9. Корецкий Г.А. - в 1975 г. зарегистрировал патент на "Высоковакуумное быстродействующее откачное устройство".

12. Горбунов А.И. - профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, стр. 14.

16. Поповский В.В. - Новосибирск, кхн - 1962 г., дхн - 1973 г.

18. Кедровский О.В. - см. Воспоминания из книги «Записки конформиста» на стр. 14.

19. А.И. Попов — доцент кафедры радиационной химии МХТИ

21. Сакодынский К.И. - стр. 13.

22. Черноплеков Н.А. - стр. 15.

23. Свечкина (Ивановская) Л.Н. - доцент кафедры физической химии МХТИ, заместитель декана ТНВ факультета в 1970-е гг.

24. Бескова Г.С. - стр. 14.

29. Ивановский Г.Ф. - заведовал отделом в НИИВТ им. С.А. Векшинского, преподавал в МХТИ на кафедре электровакуумных материалов ИФХ факультета.

В архиве семьи Алихановых была еще одна фотография, подписанная октябрь 1952 г., с перечнем всех персонажей. По-видимому, Зоя Алиханова (Хрущева) училась в разных группах физхимиков со своим мужем Павлом Алихановым. Среди выпуска этой группы находим Г.П. Булгакову и В.М. Седова — чл.-корр. АН СССР, директора ВНИПИЭТа.

1. Ревякин Владимир Вячеславович - ВНИИХТ

2. Алиханова (Хрущева) Зоя Марковна

3. Чесалин Виталий Николаевич

4. Седов Вячеслав Михайлович

5. Кнышов Гарольд Владимирович

6. Иванцов Анатолий Иванович

7. Черенкова Галина Ивановна (Крошкина)

8. Коченкова Галина Поликарповна (Булгакова)

9. Подставкин Юрий Павлович

10. Григорьев Виктор Федорович

11. Ландин Борис Сергеевич

12. Гаевой Геннадий Михайлович - ктн, справочник ПАВ 1979 г. Л-д

13. Чапча Вита Николаевна

14. Голубев Борис Семенович

15. Бочкарев Георгий Сергеевич

16. Попова Евгения Тимофеевна

17. Воронова Ирина Григорьевна

18. Старостин Сергей Михайлович

**Сакодынский К.И.
(1930-1996)
и хроматография**

По материалам: Зайцева (Баум) Е.А. Сорбционные и хроматографические процессы. 2011. Т. 11. Вып. 1

Карл Иванович Сакодынский родился 27 марта 1930 г. в г. Новороссийске в семье Полины Павловны Сергеевой и Ивана Игнатьевича Сакодынского, поллитработника. Имя ребенку дали в честь Карла Маркса. Полина Павловна воспитывалась в семье своего дяди, Сергея Ивановича, – профессионального революционера. «Посмотрели в календарь – в марте ушел из жизни основоположник марксизма, и решено было назвать новорожденного его именем». Вскоре семья переехала в г. Красноярск, который стал для Карла родным городом. После окончания с золотой медалью средней школы №10 в г. Красноярске в 1948 г. К.И. Сакодынский поступил в Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева (ныне РХТУ), где специализировался по кафедре технологии разделения и применения изотопов. В годы учебы в институте К.И. Сакодынский входил в число выдающихся студентов курса – являлся Сталинским стипендиатом. Поступив первоначально на топливный факультет, он со 2-го курса был переведен на физико-химический–детище Н.М. Жаворонкова. Надо отметить, что только что организованный факультет (1949) был

в то время гордостью института – на него принимали лишь самых талантливых студентов и предъявляли к ним самые жесткие требования. К.И.Сакодынский вспоминал об этом периоде времени: «За короткий срок были оснащены всем необходимым три кафедры нашего факультета, а самое главное – приглашены первоклассные профессора и преподаватели, сочетавшие превосходное изложение новых для всех вопросов с исследовательскими вопросами и проектами [...] Все они создавали свои подотрасли производства и одновременно читали совершенно новые курсы».

По окончании института в 1953 году К.И. Сакодынский был оставлен Н.М. Жаворонковым в аспирантуре, занялся исследованиями в области разделения стабильных изотопов. В 1957 г. защитил диссертацию по двухтемпературному разделению изотопов водорода в системах вода-меркаптаны и в том же году начал свою трудовую деятельность в НИФХИ им. Л.Я. Карпова сначала в качестве м.н.с. лаборатории разделения смесей; в 1960-1972 гг. : старший научный сотрудник, руководитель группы газовой хроматографии (с 1963).

Следующим, чрезвычайно важным для научного роста Карла Ивановича, оказался «итальянский период» его деятельности. В 1964 –1965 годах К.И. Сакодынский работал приглашенным исследователем в Италии – в лаборатории М. Ледерера Римского университета и лаборатории фирмы Карло Эрба (Милан). В Риме он ознакомился с различными методиками хроматографического анализа, в частности, участвовал в работе по разделению некоторых гетероциклов с использованием адсорбционной хроматографии на бумаге; разработал метод разделения редкоземельных элементов.

В 1974 году Карл Иванович возвратился в НИФХИ им. Л.Я. Карпова, уже на должность зам. директора института, где прора-

ботал по 1983 год. Одновременно в рамках института он руководил «своей» группой хроматографии, деятельность которой в то время была сосредоточена на исследованиях гидродинамики колонок большого диаметра и математическом описании хроматографического разделения образцов большого объема с высокой концентрацией сорбата. Вместе с тем им активно развивалось направление по созданию оригинальных полимерных сорбентов для препаративной и аналитической хроматографии.

В течение 20 лет К.И. Сакодынский преподавал «Основы хроматографии» в alma mater – МХТИ им. Д.И.Менделеева (с 1965 г.). В 1976 г. ему было присвоено звание профессора физической химии. Он состоял членом-корреспондентом РАЕН. Его деятельность в науке отмечена орденами «Знак почета» и Трудового Красного Знамени. В 1980 г. он был награжден международной Золотой медалью им. М.С. Цвета «За выдающиеся открытия в области хроматографии». К.И. Сакодынскому были присвоены также звания заслуженного деятеля науки и техники РСФСР (1990), почетного химика России (1990). Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1996).

В последние годы жизни Карл Иванович много времени уделял выпуску мемориальных сборников, посвященных ученым и крупным руководителям в области химии и химической технологии. Для этих целей он использовал весь свой организаторский талант. С любовью и энтузиазмом он выпустил сборники в память о своем учителе академике Н.М. Жаворонкове, о профессоре МГУ А.В. Киселеве, о первом Председателе Научного совета по хроматографии, чл.-корреспонденте К.В. Чмутове. Им был почти полностью подготовлен сборник памяти Министра химической промышленности Л.А. Костандова.

**Бескова Галина Сергеевна
(1930-2021)**

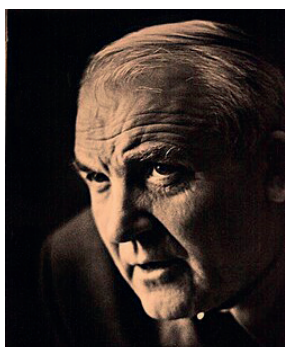
Старшая сестра Владимира Сергеевича Бескова, зав. кафедрой ОХТ.

Крупный ученый, старейший хроматографист нашей страны, кандидат химических наук.

В течение долгих лет Галина Сергеевна возглавляла специализированную лабораторию хроматографии и отдел физико-химических методов анализа и аналитического контроля Государственного научно-исследовательского и проектного института азотной промышленности и продуктов органического синтеза (ГИАП). Вырастила не одно поколение молодых хроматографистов, занявших ведущие посты в этой области науки.

Объехала многие страны Европы с научными командировками - городом, который она полюбила всем сердцем, стал Париж. Галина Сергеевна была удивительным человеком - очень талантливым, стильным, жизнелюбивым, добрым и мудрым - вспоминали коллеги ее сына, журналиста Дмитрия Горбунова.

**Горбунов Анатолий Иванович
(1930-2015)**

Советский и российский физико-химик, химик-технолог и педагог, доктор химических наук, профессор, академик РАЕН;

С 1954 по 1957 годы обучался в МХТИ в аспирантуре. В 1957—1960 годах — младший научный сотрудник в Научно-исследовательском физико-химическом институте им. Л.Я. Карпова (г. Москва). В 1960 году одновре-

менно состоял учёным секретарём Института катализа СО АН СССР (г. Новосибирск).

В 1960 году защитил кандидатскую диссертацию («Катализ изотопного обмена в молекулярном азоте переходными металлами IV периода»).

В 1961 году перешёл на должность старшего научного сотрудника в Государственный научно-исследовательский институт химии и технологии элементо-органических соединений (ГНИИХТЭОС, г. Москва). В 1970 г. защитил докторскую диссертацию «Кинетика и механизм гетерофазных каталитических реакций прямого синтеза гидрид-, органохлорсиланов и -германов». С 1970 по 1997 год состоял в должности зам. директора ГНИИХТЭОСа по научной работе.

В 1990-е гг. Горбунов был избран профессором МГТУ им. Н.Э. Баумана по химии, где проработал до 2013 года.

**Кедровский Олег
Валерьянович**

В 2009 г. выпустил книгу воспоминаний «Записки конформиста». Содержание ее анализирует Лев Михайлович Сулименко в газете «Менделеевец» №4/2010.

«Автор - один из первых выпускников физхима, а ныне президент общероссийской организации «Ассоциация информационных работников», главный редактор журнала «Информационные ресурсы России»

Олег Валерьянович Кедровский. Он смог проявить себя и в науке, и в хозяйственной деятельности, и на партийной работе, и на государственной службе, не только не теряя своего лица, но и проявляя инициативу, отстаивая свои позиции, боля за страну.

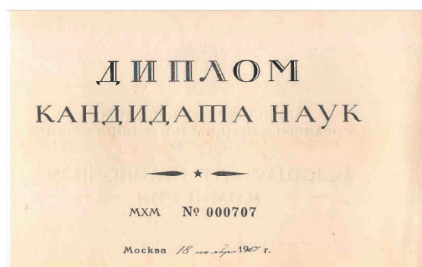
Читателю-менделеевцу будет приятно, что добрая половина книги посвящена Менделеевке, которая по словам автора «определила его судьбу», где он был студентом, комсомольским вожаком, ученым секретарем, секретарем парткома. Особые теплые слова благодарности автор обращает к тем, кто проложил ему дорогу в науку: П.В. Ковтуненко и «выдающемуся учителю» А.А. Бунделю, который «вылепил из него кандидата».

Каждая страница книги дышит повседневной жизнью института тех лет, но хотелось бы выделить страницы, посвященные колхозному этапу жизни автора, куда он был направлен в числе тридцатитысячников. Он сумел не только сохранить связь с родным институтом, но и эффективно ее использовать. Как писал позднее академик В. Легасов «тысячи менделеевцев прошли школу Кедровского». И спустя много лет многие из них, ныне доктора наук, профессора вспоминают эту школу с благодарностью: А. Михайличенко, Н. Кулов, К. Жаворонкова, Н. Мясоедов, А. Чекмарев, В. Бесков, О. Синегрибова.

Студенты-физхимики едут в подшефный колхоз в деревню Машкино Калужской обл. 1958 г. Сидят: О. Мостовая, Э. Скленская, К. Жаворонкова, В. Седельников ...

Фото из архива семьи
Алихановых

Диплом кандидата наук
П.П. Алиханова

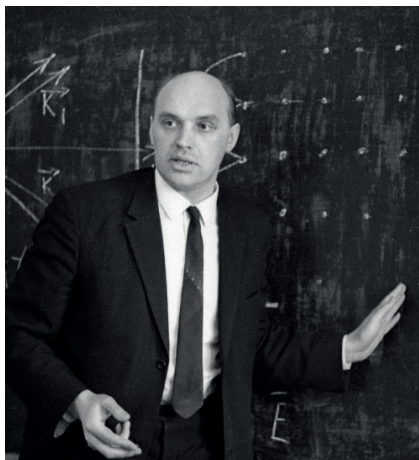
П.П. Алиханов и В.Н. Рождественский
(почетный гражданин г. Глазова)
весна 1953 г. Миусский сквер

Лабораторные работы в сером
корпусе

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Воспоминания Н.А. Черноплекова о И.В. Курчатове

Черноплеков Николай Алексеевич (1930 – 2008). Поступил в МХТИ в 1948 г. на органический факультет, в 1949-м переведен на ИФХ, который окончил в 1953 г. Член-корреспондент РАН (1991 г.), директор Института сверхпроводимости и физики твёрдого тела, Российский научный центр „Курчатовский институт“. Воспоминания «о времени и о себе» опубликованы в «Очерках истории ИФХ» 1999 г., С. 156-161.

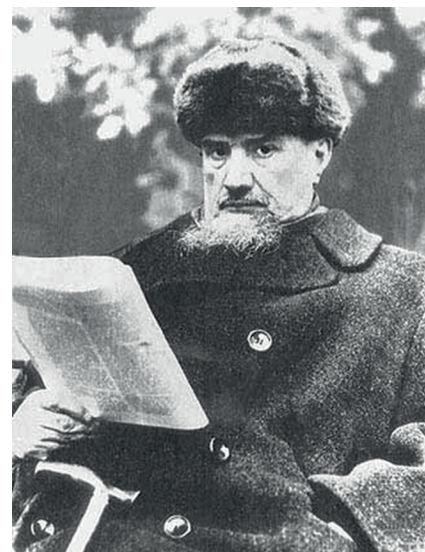
В архивах Росатома размещены его записки о встречах с академиком И.В. Курчатовым, которые случились в 1956-м году.

Первоначально каждая встреча с Игорем Васильевичем Курчатовым и все они в совокупности рождали во мне представление о широко образованном, неординарном физике и доброжелательном человеке с необычной внешностью и острым взглядом. Только заметно позже, когда я смог глубже вникнуть в деятельность Курчатова и организованного им института, осознать его значение для постановки и реализации отечественного атомного проекта, я понял, что встречался с одним из великих физиков 20-го столетия. Усилия этого учёного, поддержанные усилиями отечественных и зарубеж-

ных коллег, сыграли ключевую роль во вступлении нашей цивилизации в новую, атомную эру, или эру овладения внутриядерной энергией. Это последнее определение, мне представляется, значительно шире и глубже, чем такие, как „эпоха создания атомного и водородного оружия“ или „эпоха рождения атомной энергетики“.

В начале 1956 г. я как прикомандированный аспирант появился в секторе 4, начальником которого был М.И. Певзнер, в организации, совершавшей переход от одного условного открытого названия Лаборатория измерительных приборов АН СССР (ЛИПАН) к другому — Институт атомной энергии (ИАЭ).

Я встретил в институте большое количество талантливых учёных, инженеров, лаборантов и рабочих, увидел уникальные установки, которые работали в лабораториях или изготавливались в мастерских института. Всё это произвело на меня яркое впечатление. Но самой главной примечательностью был регулярный общеинститутский семинар, проходивший под руководством Курчатова. В его работе вместе с молодё-

У своего дома. Осень 1959 г.

жью принимала участие, можно сказать, элита московского, а часто и всесоюзного физического сообщества. Семинары велись чрезвычайно демократично: с одинаковым вниманием выслушивались точки зрения и маститых физиков, и совсем молодых специалистов. Буквально на моих глазах происходил процесс расширения тематики семинара и превращения его из специализированного, обсуждающего главным образом вопросы, связанные с основной задачей (на то время) и института, и отрасли, в широкий общезначимый семинар. На нём уже рассматривались общие вопросы ядерной физики: проблема несохранения чётности при слабом взаимодействии; задачи нейтронной физики и физики реакторов, не вытекающие непосредственно из нужд промышленного производства действующих материалов или бомбовой тематики; начальные работы по физике элементарных частиц и новым принципам ускорения и, конечно, вопросы термоядерных исследований.

Поскольку весьма успешные испытания термоядерного оружия в 1953–1955 гг. позволили в институте заметно сократить объём работ, обслуживающих оружейную тематику, Курчатов приступил к исследованию новых физических горизонтов и новых областей практического использования нейтронофизических и реакторных наработок, к более глубокому научному обеспечению таких направлений, как радиационное материаловедение и т.п. Такой переход требовал тщательного анализа, что было характерно для курчатовского стиля. А в этом анализе неизменным элементом были увлекательные и детальные семинары, которые Курчатов проводил с особым талантом.

Он безжалостно требовал и от основных докладчиков, и от выступающих, и от задающих вопросы физической ясности,

не допуская снижения научного уровня. При этом ему удавалось вовлекать в дискуссию большинство участников и, бросая образные замечания, подталкивать её к конструктивному результату. Позже подобный метод получил название мозгового штурма.

В начале 1956 г. на одном из семинаров, на котором в числе гостей был профессор Э.Л. Андроникашвили из Тбилиси, возник вопрос о возможных путях увеличения доли холодных нейтронов в нейтронных пучках тепловых реакторов. Элефтер Луарсабович предложил охладить замедлитель реактора жидким гелием. Начались бурные дебаты с обилием различных предположений, но Курчатов ход обсуждения явно не устраивал: выступающие не оперировали конкретными данными. К счастью, мы с моим коллегой по аспирантуре М.Г. Земляновым уже серьёзно интересовались этим вопросом и располагали кое-какими оценками.

Когда Игорь Васильевич обратился к залу с вопросом, может ли кто-нибудь сказать по этой проблеме что-нибудь более содержательное, чем только идея, я поднял руку, и он предоставил мне слово. Попросив разрешения не спускаться вниз (я сидел достаточно высоко), я рассказал о результатах наших оценок перспективных охлаждаемых замедлителей, к которым собственно жидкий гелий никак нельзя было отнести, о потребных мощностях криогенного оборудования и вопросах безопасной эксплуатации подобных устройств в сильных полях излучений. Практически в моём кратком выступлении был дан достаточно подробный ответ на все возникшие вопросы.

Курчатов слушал внимательно. Когда я закончил, он склонился к сидящим рядом коллегам и о чём-то спросил, но, как выяснилось позже, не получил быстрого ответа. Игорь Васи-

льевич продолжил работу семинара, отметив, что предыдущая тема обсуждена достаточно подробно. А вопрос коллегам, сидящим поблизости, он задавал очень простой: „Что это за физик выступал и откуда он взялся?“ Когда вопрос у рядам дошёл до Певзнера, Игорь Васильевич получил, наконец, разъяснения. И сразу же просил Певзнера передать поручение „своим орлам“ — этому новому долговязому вместе с хорошо известным Земляновым (бывшим до аспирантуры начальником дозиметрической службы реактора) — в течение недели представить подробный „писдок“, т. е. письменный документ об охлаждаемых замедлителях. Нам с Земляновым пришлось остановить текущие дела, но „писдок“ мы успели представить вовремя и, судя по всему, на данном этапе удовлетворили начальство.

Неделями двумя позже произошла случайная встреча с Игорем Васильевичем у реактора РФТ (реактор физический тепловой), где мы проводили эксперименты. Он вспомнил моё выступление на семинаре, попросил проводить его до главного здания и подробнее рассказать о целях и сути наших с Земляновым экспериментов. Я рассказал об отсутствии каких-либо других прямых методов определения фоновых спектров кристаллов, кроме неупругого рассеяния нейтронов, и о том, какое разнообразие физических проблем твёрдого тела связано со спектром тепловых возбуждений. Объяснил, что нам как экспериментаторам для этих исследований необходимы выведенные коллимированные и монохроматизированные пучки предпочтительно холодных нейтронов, поскольку в первых исследовательских реакторах нейтронные потоки были низкими. Игорь Васильевич с живым интересом всё это слушал, изредка перебивал уточняющими

вопросами и уже перед главным зданием похвалил, что выбрали интересную задачу, пожелал успехов и просил информировать о ходе экспериментов. Оценка Игоря Васильевича вызвала у меня и радость, и некоторое недоумение, поскольку это направление было несколько в стороне от основных интересов института. Казалось, что тогда передо мной был не директор Института атомной энергии, а просто любящий физику учёный.

Затем долго не было случая поговорить с Курчатовым. Мы уже со своим экспериментом перебрались на более удобный для пучковых работ реактор ИРТ (исследовательский реактор тепловой) и думали, что высокое начальство о нас забыло. Оказалось не так.

Снова произошла случайная встреча с Игорем Васильевичем во время его прогулки по территории, и как будто не было большого перерыва в наших разговорах. Он начал расспрашивать об эксперименте на новом реакторе, точно держа в голове основные особенности нашего подхода. Это было удивительно при его фантастической загруженности весьма ответственными делами. Но в нашей судьбе эта встреча, быть может, сыграла и роковую роль, заставив на несколько лет отойти от основной цели намеченных исследований. С лёгкой руки кого-то из ближайших сотрудников Курчатова (и в его традициях!) нашу с Чернозёмовым группу окрестили группой Чернозёмовых. Вскоре после встречи с Игорем Васильевичем группе Чернозёмовых было поручено по его предложению (и, как всегда, срочно) подготовить варианты надёжных методов определения положения делящегося материала в массивных изделиях.

Мы остановились на методе, опирающемся на наши собственные наработки по ис-

пользованию пучков холодных нейтронов и процедуре определения, которая сегодня была бы названа нейтронно-томографическим определением. Высокий синклит во главе с Игорем Васильевичем одобрил предложение и „приговорил“ группу Чернозёмовых к тому, что она будет разрабатывать методику, изготавливать оборудование, точнее, курировать его изготовление и, более того, осуществлять необходимый многолетний контроль изделий при массовом производстве.

В Курчатовском институте не было принято обсуждать поручения. Они просто выполнялись. Так было и в нашем случае. Мы защищали наши кандидатские диссертации со сдвигом в три-четыре года. Но об отвлечении на прикладную работу не сожалели. Она сильно расширила наш кругозор в смежных областях и принесла удовлетворение от участия в создании одной из выдающихся отечественных экспериментальных установок, о которой мечтал Игорь Васильевич и в которую нам удалось внести свой небольшой, но оригинальный вклад.

Теперь я вернусь к уже сделанному признанию, что значение личности Курчатова в атомном проекте и общенаучный и общечеловеческий масштаб этой фигуры я смог оценить лишь позже. С начала 60-х годов я получил определённые возможности знакомиться с деятельностью института и наследием Курчатова более обстоятельно и главным образом не за счёт доступных архивных документов, а посредством разговоров с такими близкими соратниками Игоря Васильевича, как А.П. Александров и И.К. Кикоин, Л.А. Арцимович и В.В. Гончаров, М.И. Певзнер и В.И. Мостовой, Г.Н. Флёров, В.П. Дзепелов, К.И. Щёлкин, В.А. Давиденко и др. Значительно позже эту тему мне удалось достаточно подробно обсудить с

Ю.Б. Харитоновом.

Вначале было трудно понять, почему на роль научного руководителя отечественного атомного проекта был выбран молодой ленинградский профессор Курчатов. Конечно, существенную роль сыграла рекомендация „главного академика Иоффе“ (по определению Владимира Высоцкого). Но принималось судьбоносное решение, и оно было трудным. А уже позже, когда собранные Игорем Васильевичем сподвижники стали на крыло и продемонстрировали, каких высот они могут достигать в науке и технике (ощущая при этом свою исключительность и самостоятельность), все они почти единодушно благословили судьбу за то, что в руководстве отечественного атомного проекта, на ключевом посту научного руководителя, оказался Курчатов. Сознвая громадную ответственность и отдавая служению народу и науке всего себя без остатка — свой талант, свою душу, свою жизнь, он в значительной мере определил успех дела. Его решения основывались на фундаментальных результатах исследований, детальных технических и экспериментальных проверках. Это касалось и стадии постановки работы, и стадии её завершения и превращения в изделие или объект. Он знал эти изделия и объекты до тонкости. Все первые объекты и изделия он либо сам непосредственно вводил в эксплуатацию, либо осуществлял руководство их испытаниями. Этим он персонафицировал свою ответственность. В известной мере это способствовало и тому, что в рамках атомного проекта не было создано ни одного тупикового объекта или изделия...

... Всё сказанное — не более чем штрихи к портрету Курчатова, без которых затруднительно понять, почему фигура Игоря Васильевича так сильно выделяется на фоне его выдающихся современников.

ВНИИХТ — ВЫПУСКНИКИ ИФХ

В поисках материалов о выпускниках ИФХ факультета были предприняты попытки получить информацию из научно-исследовательских институтов атомной отрасли. В юбилейном издании одного из них ВНИИХТа авторы перечисляют выпускников вузов, в разные годы пришедших на работу в институт. Есть также информация о полученных наградах и научных степенях.

Лаборатория №27 под руководством Ласкорина Б.Н. в НИИ-26 экстракционно-сорбционных процессов в 1957-58 гг. была расширена за счет приема выпускников специализированных факультетов вузов: ... МХТИ им. Д.И. Менделеева (Э.М. Лошманова, В.А. Кузнецов, А.И. Поманский, Л.П. Пушкин - ктн, В.Г. Фоменков, Вит.В. Шаталов - ктн, А.И. Южин - ктн).

В 1968 году в результате объединения и расширения лабораторий был создан Отдел сорбционно-экстракционных и мембранных процессов (Г), численность которого к 1992 г. составляла 340 человек. В 1968-83

гг. были приняты на работу выпускники ... МХТИ (И.Д. Акимова, Л.А. Антонова, Н.Л. Аслангирева, Н.Л. Бородкина (Меламуд), А.П. Бредихин, Н.А. Галкина (Любосветова) ктн, Н.Ю. Гастева, О.Н. Гришина, В.В. Доброскокин – лауреат Гос. премии, Е.М. Дорожкин, С.И. Евстифеева, Е.В. Жарова, Л.А. Задохина, Л.В. Иванова, М.А. Коваленко, Т.И. Коненкова, Е.В. Кремнева, Г.М. Крышко, Н.И. Куляко, Г.И. Медведева, Н.М. Мещеряков – премия Лен комсомола, Т.Е. Морозова (Рысева), А.К. Нардова - ктн, О.М. Огарева (Зыкова), Н.И. Спорцева (Полежаева), В.А. Пеганов - ктн, Р.Н. Пензин - ктн, М.А. Расторгуева, Л.А. Савина - ктн, Л.И. Сокальская - ктн, Л.Г. Соловьева, В.И. Суров, А.И. Федоров, М.И. Хараш, Т.П. Харина, Н.И. Хохлова, Н.А. Царенко - ктн, Л.Н. Чупахина).

Отдельной строкой следует сказать о выпускнице первого выпуска ИФХ 1950-го года Вере Александровне Роговой (Голдобиной). Она первой из выпускников физхима была удостоена Ленинской премии в 1958 г. вместе с академиком Б.Н. Ласкориным и П.И. Бучихиным (первым директором института).

Голдобина (Рогова)
Вера Александровна

(р. 22.08.1926 г. ст. Туймаза Куйбышевской ж.д., Башкирской АССР)

Участник Атомного проекта СССР. Лауреат Ленинской премии (1958).

Окончила в 1950 г. Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева, спецвыпуск инженеров-технологов (Постановление СМ СССР № 4638-1815 сс для подготовки специалистов для ПГУ СМ СССР).

Работала с 1950 г. в НИИ системы Первого главного управления при СМ СССР: НИИ-26, п/я 912, НИИ-10, ВНИИХТ. Старший научный сотрудник.

В 1955 г. научной группой ВНИИХТа (с участием В.А. Голдобиной) впервые в мировой практике в промышленных условиях внедрен сорбционно-бесфильтративный способ извлечения урана из рудных пульп. Технология с 1957 г. освоена всеми гидрометаллургическими предприятиями СССР. Разработчики технологии были удостоены Ленинской премии СССР.

В.А. Голдобина автор более 200 научных трудов и более 50 изобретений в области гидрометаллургии черных, цветных (включая редкие, рассеянные и радиоактивные) и благородных металлов.

Наша справка для
"Башкирской энциклопедии"

С ВОЕННЫХ ПОЛЕЙ — НА АТОМНЫЙ ФРОНТ

Выпускники ИФХ — участники Великой Отечественной войны

На ИФХ факультете учились, а потом работали десятки участников Великой Отечественной войны. Они старались не отставать в учебе от своих более молодых сокурсников, активно участвовали в работе комсомольских, профсоюзных и партийных организаций института. Дружили между собой - фронтовое братство накладывало свой отпечаток на стиль общения и в мирное время. Отмечали юбилеи, праздники, День Победы, старались достойно проводить тех, кого военные раны и контузии настигали через годы. Нам казалось, что мы знаем поименно всех менделеевцев - участников той войны. Но вот сегодня через десятилетия мирной жизни, когда стали открываться военные архивы, миллионы страниц бесценной летописи массового героизма советского народа с помощью современных технологий помогают исполнить завет «Никто не забыт, ничто не забыто». На этих страницах - три военных судьбы физхимиков первых наборов, восстановленные для истории Менделеевки с помощью публикаций в интернете и архивного фонда РХТУ.

Иван Васильевич Гончаров

Иван Васильевич Гончаров — командир отделения автоматчи-

Ветераны войны Павел Васильевич Ковтуненко (декан ИФХ 1963-1970 гг.) и Сергей Георгиевич Катальников, профессор кафедры изотопов

ков 216-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта; гвардии старший сержант.

Родился 19 июля 1924 года в поселке городского типа Райгородок Славянского района Донецкой области Украины. Украинец. Член ВКП/КПСС с 1945 года. Окончил 9 классов.

В боях Великой Отечественной войны с октября 1943 года. Сражался на 1-м Белорусском фронте. Принимал участие в освобождении Польши, в боях на территории Германии, в штурме Берлина.

Командир отделения автоматчиков 216-го гвардейского стрелкового полка гвардии сержант Иван Гончаров 25 июля 1944 года в районе населенных пунктов Наталии, Домбровице, Конопница участвовал в окружении и ликвидации большой группировки противника, лично уничтожил 8 противников и пленил 4 офицеров и 9 солдат. За мужество и отвагу, проявленные в боях, гвардии сержант Гончаров Иван Васильевич 27 июля 1944 года награжден орденом Славы 3-й степени.

1 августа 1944 года при форсировании Вислы у населенных пунктов Остроленка, Загробы, Ротницев под огнем противника одним из первых высадился

на левый берег реки и вступил в бой по расширению плацдарма, в схватке поразил огнем из автомата 5 противников. За мужество и отвагу, проявленные в боях, гвардии сержант Гончаров Иван Васильевич 10 октября 1944 года награжден орденом Славы 2-й степени.

При прорыве обороны противника 14 января 1945 года гвардии старший сержант Иван Гончаров ворвался в населенный пункт Липске Буды и истребил 6 вражеских солдат. В ночном бою 14 января 1945 года у населенного пункта Стронец Иван Гончаров гранатами уничтожил вражеское пулеметное гнездо.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-вражескими захватчиками гвардии старший сержант Гончаров Иван Васильевич на-

граждён орденом Славы 1-й степени, став полным кавалером ордена Славы.

Участник исторического Парада Победы 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади.

В 1947 году гвардии старшина И. В. Гончаров демобилизован из Вооруженных Сил СССР. **В 1958 году окончил Московский химико-технологический институт имени Менделеева.** С 1958 года И. В. Гончаров — лейтенант запаса, позднее — в отставке.

Жил в городе-герое Москве. Работал старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института химического машиностроения. Кандидат технических наук. Скончался 30 июля 1995 года.

Литература

- Кавалеры ордена Славы трёх степеней: Краткий биографический словарь / Пред. ред. коллегии Д. С. Сухоруков. — М.: Воениздат, 2000. — 703 с. — 10 000 экз. — ISBN 5-203-01883-9.

- Роцин И. И. Солдатская слава. Книга 7. М., 1988

Архивное дело студента ИФХ факультета Гончарова Ивана Васильевича начато в 1952 г., окончено в 1958-м. Из автобиографии, написанной ровным красивым почерком, узнаем, что тридцатилетний первокурсник физхима - кавалер орденов Славы трех степеней «За образцовое выполнение заданий командования на фронтах борьбы с немецкими захватчиками». Участник исторического парада Победы. Имеет контузию и ранение правой руки.

На руках семья, двое детей и теща, но учится только на отлично, Сталинский стипендиат, зам. Председателя профкома.

Вамберский Юрий Владимирович

На выпускной фотографии 1953-го года (стр. 11) Юрий Вамберский не выглядит старше своих сокурсников, а ведь у него за плечами годы войны и по-

слевоенная служба в Германии. Студенческое личное дело подтвердило - это наш выпускник, один из сотен послевоенных студентов, прошедших горнило войны. Родился в 1923 г. в Тамбове в семье врача и учителя. С отличием закончил школу в 1941 г. в Мичуринске. В марте 1942 г. призван в ряды Красной Армии. После артиллерийского училища - техник-лейтенант. Участвовал в операции по освобождению г. Киева. На днепровском плацдарме, часть, в которой служил Юрий Владимирович

В период наступательных боев с 14.01.1945 г., находясь в боевых порядках дивизиона, тов. Вамберский не считаясь с опасностью для личной жизни, своевременно приходил на ОП батарей и немедленно принимал меры к устранению неисправностей, возникающих во время стрельбы, а также вызванных обстрелом противника, зачастую ремонтируя и возвращая в строй орудия не снимая с огневых позиций.

В напряженных боях в феврале и марте 1945 г. по удержанию и расширению плацдарма на западном берегу р. Одер, тов. Вамберский по своей инициативе взял на себя руководство доставкой боеприпасов на ОП батарей, переправляя их на подручных средствах через р. Одер, чем способствовал успешному выполнению поставленных дивизиону боевых задач.

получила звание гвардейской. В августе 1944 года форсировал Вислу, участвовал в Висло - Одерской и Берлинской операциях. Войну закончил в Берлине. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». В 1947 г. поступил в МХТИ, в 1949 г. переведен на ИФХ факультет, который закончил в 1953 г. С октября 1963 года работал в Институте металлургии им. А.А. Байкова АН СССР. В 1973 г. защитил диссертацию «Исследования термодинамических свойств оцк-твердых растворов урана» в Институте общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова.

Заславский Иван Иванович

Родился в 1922 г. в г. Иванове в семье профессора ИХТИ. В 1941 г. поступил учиться в Ивановский химико-технологический институт. С 1942 по 1945 гг. служил в рядах Советской армии в должности техника-лейтенанта в 361сп МВО. Награжден медалью «За победу над Германией» и орденом Отечественной войны II степени.

В 1946 г. продолжил учебу в ИХТИ. В 1949 г. переведен на 5-й курс ИФХ факультета. (См. воспоминания на стр. 6), который успешно окончил в 1950 г. - кафедрой разделения изотопов.

СПАСИБО, МЕНДЕЛЕЕВКА

Моисеенко Н.И., выпуск ИФХ 1966 г.

12 мая 2016 г. группа выпускников ИФХ факультета решила отметить юбилейную дату – 50-летие окончания МХТИ имени Д.И. Менделеева. Собравшиеся представляли выпускников таких кафедр и специальностей: технология вакуумных материалов, редких, рассеянных и радиоактивных элементов, разделение изотопов, радиационной химии, производства лазеров и мазеров. К сожалению, не была представлена специальность кибернетики химико-технологических процессов. Всего удалось собрать 25 человек – 11 женщин и 14 мужчин. Был даже один гражданин Украины. Местом встречи стало кафе с символическим названием «Менделеев», расположенное в стенах родного нам института.

Настроение собравшихся передавали слова песни «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», исполненной нашим дружным хором.

А потом зазвучали тосты и здравницы и первый, конечно, за родной институт, сохраняющий

репутацию одного из ведущих вузов страны, и наш славный факультет, волею судеб объединивший всех нас 55 лет назад. Вспомнили, что путь на факультет был у всех разный: одни шли целенаправленно на выбранную специальность, кто-то приехал с направлением с предприятий министерства Среднего машиностроения (ныне Минатом), а кто-то и за компанию с подругой. Но никто не пожалел о сделанном выборе.

Следующий тост – за преподавателей, вложивших в наши «сырые» головы прочные знания: Дракин – по неорганике, Лаврищева – по органике, Крешков – по аналитике, Карапетьянец – по физической химии, Цюрупа – по коллоидной, Арефьев – по физике, Азриэль и Андрунакиевич – по математике, Фурмер – по ОХТ, Коваль по КИПам, Михайлов – по процессам и аппаратам, Зиновьев по деталям машин, Авербух по химической термодинамике, Четчин по теплотехнике, Смирнов Н.Н. – по минералогии, Смирнов Н.И.

по электротехнике, Ермаков по электронике. И, конечно, за Л.П. Карлова – преподавателя истории КПСС.

Группа редких и рассеянных вспомнила Громова, Шевченко, Сажина, Сударикова, Гордиевского, Захарова-Нарциссова, Шамаева, Чекмарева, Савельеву, Синегрибову, Ракова. Другие специальности Загорца, Зельвенского, Петрянова-Соколова, Кафарова, Бунделя, Андреева, Касаткину и других. Не забыли деканов и их заместителей – Ягодина, Ковтуненко, Каталникова, Кирюшова.

Подвели итоги титанической деятельности вышеперечисленных преподавателей, результаты не могут не радовать. Из наших рядов вышли:

- Лауреат Ленинской премии В.Б. Соколов;
- 4 лауреата Государственной премии – тот же Соколов В.Б., Солдатенков, Тихонов, Кошкин;
- Лауреат премии Совета Министров – Свечкин;
- Лауреат премии Ленинского комсомола – Сабинин;

- Лауреат премии ВДНХ – Мои-сеенко (дважды);

- Два академика РАЕН – профессор Короник и Маренкин;

- Профессора РХТУ – Маринина и Макаров;

- Начальники отделов, лабораторий, кандидаты и доктора наук, старшие научные сотрудники, руководители научных групп.

Эмма Лю – один из руководителей крупного российско-южнокорейского производственного объединения.

Стародонова Н.П. – участница ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы.

В скорбном молчании поминули тех, кто не дождал до этого юбилея, это Шаров, Гризков, Карпенко, Кошкин, Соколов В.Б., Любимова, Андреева, Тихонов, Сухаренко, Скитович, Чуров, Еринов. Вечная им память.

Вспомнили, что все мы дети Великой Отечественной войны, наши отцы, матери, братья – кто в действующей армии, а кто в

тылу – боролись за Победу, приближая конец войны.

А мы, вырастив и получив образование, постарались не допустить повторения новой.

Нужно отметить, что приведенные сведения нельзя считать полными по нескольким причинам. Среди нашего выпуска было много иногородних студентов, следы их так же, как и некоторых москвичей, затерялись, девушки, выйдя замуж, сменили фамилии. Но мы продолжаем поиски.

Вспомнили за столом и незабываемые эпизоды из жизни вне института: военные лагеря (причем как мужчины, так и женщины), работу на стройках Москвы после первого курса, целину 1962 г. – это эпохальное событие! А с каким интересом все бросились рассматривать фотомонтаж, сделанный В. Бессоновым.

Вспомнили производственную практику на предприятиях Сред-маша, с января 1964 по январь

1965 гг. наших иностранных курсников из Вьетнама, Китая, Болгарии. После защиты дипломов жребий разбросал нас по различным предприятиям отрасли.

Двадцать лет назад по инициативе Эмили Касаткиной мы встретились в одном из кафе Москвы. Всем понравилось. В этот раз тоже недовольных не было. Наоборот, поступили предложения встречаться почаще, потому что мы, увы, не молодеем – младшему из присутствующих исполнилось 73 года.

А ведь в нашем выпуске было много «стажников», работавших до поступления в институт или служивших в армии.

В заключение хочется сказать, что знания, полученные в стенах Менделеевского института, позволяют больше половине нашего выпуска до настоящего времени полноценно работать и быть востребованными на производстве.

Спасибо, Менделеевка!

НА СТРОЙКАХ ФИЗХИМА

*Ремонт физико-химического корпуса
1950 г. , 14 группа III курса ИФХ:*

*Слева направо: Аксенов Николай Григорьевич,
Ландин Борис Сергеевич, Гриневиц Галина
Владимировна, Селин Юрий Иванович, Денисенкова
Елена, Мясоедов Борис Федорович*

*Закладка последнего кирпича
в тушинский корпус ИФХ факультета. 1984 г.
Александр Михайлович Чекмарев "ассистирует"
Геннадью Алексеевичу Ягодину*

ФИЗХИМ – КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ...

Свитцов А.А., выпускник 1970 г.

Когда-то очень давно (в 1949 году) какие-то очень умные люди назвали новый факультет Менделеевского института физико-химическим. Это замечательное название во все года и настораживает, и привлекает абитуриентов. Они ведь точно знают – вот физика, которую почти все не любят, вот химия – которую некоторые любят, но физическая химия!? И действительно, определение этой науки до сих пор какое-то неконкретное. Говорят, что Ломоносов ее придумал. Свои трактаты он писал на латинском языке, современники его вообще больше за поэта почитали, чем за ученого. И в переводе на русский назначение новой науки опять – же какое-то невразумительное получилось: «... объяснение химических операций в сплошных телах».

В каждом учебнике по физической химии авторы стараются уточнить определение этой науки. Мне понравилось одно: «Изучение физических свойств атомов и молекул, которые управляют химическими взаимодействиями». Но лучше всего все равно получается

простое перечисление научных разделов, отраслей, которые и составляют физическую химию.

И вот эти умные прародители нового факультета основной приманкой сделали названия кафедр, от которых кружилась голова. Вы только послушайте:

- технология редких, рассеянных и радиоактивных элементов;
- технология разделения изотопов;
- радиационная и радиохимия;
- химическая кибернетика;
- технология электровакуумных приборов.

Через 15 лет после учреждения факультета, очарованный этими названиями, я пришел поступать на Физхим. Полчаса разговора в МАЗе с замечательным старшекурсником Игорем Брянцевым убедили меня, что Физхим – правильно, а радиационная химия – очень правильно.

Совсем скоро мы узнали, что учат нас для укрепления атомной отрасли, что сам Курчатов здесь руку приложил, что на Физхиме самый высокий проходной балл, что здесь самая высокая стипендия, что ждет нас самое интересное распределение и перспективная карьера.

Этот локальный патриотизм специально не раздувался, он возникал в студентах на основании реальных и объективных обстоятельств жизни факультета. И главным обстоятельством были люди – преподаватели и сотрудники факультета.

Они были для нас – студентов носителями знаний, как жрецы в храме. Знания ведь казались почти секретными. Владислав Федорович Иноземцев допускал к кобальтовому гамма-излучателю, как отец – заботился о безопасности. Мы что-то знали о его

предыдущей армейской жизни, и это вызывало еще большее уважение. Георгий Георгиевич Михайлов учил работать вообще с нейтронным источником, и это, как сегодня сказали бы молодые, было круто.

Задумчивый и интеллигентнейший Владимир Ильич Шамаев настойчиво приучал нас обращаться с радиоизотопами в лаборатории радиохимии. В группе, хоть и немного, но были барышни, как-то смутно было боязно за них. Но все сомнения кончились, когда мы познакомились с доцентом кафедры Галиной Поликарповной Булгаковой, абсолютной, на наш взгляд, красавицей. До сих пор, встречаясь, мы вспоминаем ГП, как видение.

А какой матерый человечище был Олег Иванович Захаров-Нарциссов. Пел песни под гитару, неутомимый путешественник, но главное – абсолютный приверженец химии, инициируемой электромагнитным облучением. Моя дипломная работа у него вспоминается как что-то фееричное: сами собирали экспериментальную установку, его фантазией руководствуясь, синтезировали какие-то спирты, и все иначе, не как у других.

Был еще Виктор Иванович Ермаков, всегда строгий, очень научный, учил нас какой-то немислимой терминологии относительно измерений и анализов, и такой же измерительной технике.

Руководил всем на кафедре величественный Павел Авксентьевич Загорец. Гордиться таким начальником можно было просто за фактуру, а он был еще и известным ученым. Позже он стал проректором Менделеевки по учебной работе, и это было лишним поводом чувствовать нам свою значимость.

Чуть позже на кафедру вернул-

ся очаровательный Александр Арсентьевич Пушкив. Вернулся он из длительной заграничной командировки, где представлял страну в МАГАТЭ. Это трудно было себе представить: наш родной преподаватель – международный чиновник такого уровня! Что было можно, он иногда рассказывал во время вечерних посиделок на кафедре, и это были сказки наяву. Мне повезло, я стал его аспирантом, это определило мой жизненный путь. А это стали и работы на атомных станциях, на Челябинском «Маяке», и участие в ликвидации Чернобыльской катастрофы, и нынешнее участие в проектах Росатома.

Вместо Пушкива в Вену уехал опять же наш физхимик Геннадий Алексеевич Ягодин. Это был абсолютный лидер сначала факультета, потом – института, а потом – всего высшего образования страны. Уже под его руководством я выполнял проекты на АЭС и в Чернобыле.

Физхим был един, все знали всех, и некоторых носителей «тайных знаний» нельзя не вспомнить. Кафедрами заведовали люди, каждый из которых и сегодня представляется легендой.

Борис Вениаминович Громов. По характеру он вполне соот-

ветствовал своей фамилии – не в части страха, а в части уверенности в себе, в своих решениях и поступках. При этом и за это его любили все.

Яков Давыдович Зельвенский. Всегда спокойный, тихий, и абсолютно справедливый. И люди на кафедре технологии разделения изотопов становились такими же. Всеобщий нынешний любимец – Михаил Борисович Розенкевич – полная противоположность Якову Давыдовичу внешне – и такие же человеческие качества. Он стал преемником Зельвенского на кафедре и долгое время возглавлял весь факультет.

Павел Васильевич Ковтуненко – многолетний декан факультета, один из отцов-основателей, закладывающих основы деловых, этических и идеологических отношений на факультете. Деканат при нем был не административно-бюрократическим органом, а отеческим домом для студентов.

Таким же домом деканат был и при Александре Михайловиче Чекмареве. Всегда доброжелательный, улыбающийся, внимающий в проблемы каждого, но еще и член-корреспондент Академии наук. Мы не говорим здесь о научных достижениях факультета, хотя об этом можно

книгу написать.

Состав факультета со временем изменялся, одни кафедры, как химическая кибернетика, уходили, но не просто меняли прописку, а вырастали в целый новый факультет. Другие приходили, и так появилась кафедра нанотехнологии. Создал ее тоже член-корреспондент Академии наук Евгений Васильевич Юртов, выпускник Физхима, ученый и организатор, как и учили отцы-основатели.

Физхим долгие годы был факультетом-примером внутренней организации вуза. Это было не случайное собрание кафедр, а единый коллектив, где люди общались на своем профессиональном языке, могли квалифицированно оценивать учебные и научные достижения друг друга, вместе решали большую государственную задачу. А еще там было взаимоуважение коллег и очень заботливое отношение к студентам. Поддерживать эти традиции теперь уже на своих факультетах стремятся бывшие физхимики Наталия Павловна Тарасова, до недавнего времени Александр Евгеньевич Хачатуров и Владимир Васильевич Щербаков, Наталья Евгеньевна Кручинина, ну и конечно, Эльдар Парпачевич Магомедбеков.

25 лет ИФХ, март 1974 г. БАЗ.

ЛУЧШАЯ ГРУППА 1976 Г.

Выпуск 1978 г.

По-разному сложилась судьба выпускников кафедры "Радиационная химия" после окончания института в 1978 году (на фото 1 – победители смотра-конкурса на лучшую группу МХТИ 1976 г. – студенты группы Ф-45).

Среди них – 2 доктора наук и 6 кандидатов наук, кто-то до сих пор работает по специальности, а кто-то выбрал свою дорогу по жизни в других областях.

Гаспарян Микаэл Давидович защитил докторскую диссертацию по специальности технология редких, рассеянных и радиоактивных элементов. В настоящее время работает в родном университете профессором-консультантом на кафедре ОХТ, является научным руководителем договора с Госкорпорацией "Росатом" в рамках Проектного направления "Прорыв" по теме "Локализация летучих продуктов деления в процессах переработки облученного ядерного топлива.

Доктор химических наук Варнек Александр Алексеевич, профессор химического факультета Страсбургского университета во Франции.

К.х.н. Бурухин Сергей Борисович, член-корр. РАЕН – много лет работал в ФНИФХИ им. Л.Я. Карпова, а с 1997 г. по настоящее время трудится в ИАТЭ НИЯУ МИФИ – доцент, декан факультета естественных наук, проректор по учебной работе Обнинского Государственного технического университета атомной энергетики, награжден знаками: Почетный работник ВПО РФ, Ветерана атомной энергетики и промышленности. Его жена и одногруппница - Бурухина (Курбатова) Галина Александровна также работала в Обнинском ФНИФХИ им. Л.Я. Карпова, где занималась радиационным модифицированием

Лучшая группа смотра-конкурса.
МХТИ им. Д.И. Менделеева. Март 1976 год.

полимерных материалов и минералов.

К.х.н. Яковлев Петр Николаевич после окончания аспирантуры на кафедре ОНХ и защиты диссертации до настоящего времени работает на Клинском заводе "Химлаборприбор", с 1991 г. – главным инженером.

К.т.н. Карельский Владимир Германович, много лет отработавший в Федеральном космическом агентстве "НИИ Прецезионного машиностроения", посвятил себя писательскому труду. Он автор целого ряда научно-популярных трудов ("История нежных взаимодействий", "Кажется боги сошли с ума" и т.д.) и исследований на историческую тему ("Русская правда против монголо-татарского ига" и другие).

Луговой Юрий Михайлович защитил кандидатскую диссертацию после учебы в аспирантуре и долгое время преподавал на нашей кафедре.

Малаев Вячеслав Владимирович защитил кандидатскую диссертацию, работая в Обнинском филиале НИФХИ им. Л.Я. Карпова, затем работал зав. лабора-

торией меченых биологических соединений в ФЭИ, а с 2010 г. занимается продажами специального исследовательского оборудования.

К.х.н. Симаков Сергей Вадимович преподает на кафедре общей химии Института химии фармации и биологии Белгородского Государственного университета и является зав. лабораторией органического синтеза АО "ВладМиВа". Химик от бога — он синтезировал своими руками целый ряд новых фармпрепаратов и витаминов.

Жирихин Василий Дмитриевич после окончания института с красным дипломом работал по специальности на радиационном производстве Адмиралтейского завода в Ленинграде, потом служил в армии, работал в оптико-механическом объединении (ЛОМО) и до последнего времени – аудитором в Росэкспертизе.

Поправкин Николай Алексеевич работал в ИАЭ им. И.В. Курчатова, затем в Институт физических проблем им. Лукина (Зеленоград). Создал собственную частную фирму

"Грамеком" по производству уникального оборудования для спецсвязи, в том числе для нужд Минобороны. Он наш постоянный фотокорреспондент.

Янбухтин Ренат Халимович работал в НИФХИ им. Карпова, в Ждановском РК ВЛКСМ г. Москвы, журналах "Молодой коммунист" и "Техника молодежи", в 1991 г. основал и возглавил агентство A.R.M.I.

Быков Владимир Давидович при поступлении был отличным спортсменом-десятиборцем. После работы в разных проектных организациях вернулся к любимому делу, руководил национальным центром бадминтона, а в последнее время отвечает за спортивные-массовые мероприятия в своем муниципалитете Отрадное г. Москвы.

Шмакова (Каретникова) Ирина Леонидовна после института работала в ИФХ РАН СССР. Сейчас она поэтесса с псевдонимом Смоленская, – автор нескольких сборников лирических стихов ("В ладонях Создателя" и др).

Многие из выпускников до сих пор регулярно общаются, проводят встречи, включая спортивные баталии с шашлыками на природе. На этих посиделках (на фото 2 - отмечаем 50-летие поступления в МХТИ) мы вспоминаем время, проведенное в "общаге" с танцами и самодельными песнями до утра с прекрасным гитаристом Петей Яковлевым. Песня нам помогала и в военных лагерях (фото 3) и в стройотрядах. Мы работали в них практически каждое лето по несколько раз: Хакассия-1973, Камаз-1974, БАМ-1975, Волог-

да-1977 (на фото 4) и т.д..

С особой теплотой и добротой мы вспоминаем наших главных в то время физхимиков: Ягодина Геннадия Алексеевича и Чекмарева Александра Михайловича (деканы факультета), уже маститых ученых нашей кафедры: завкафедрой Загорца Павла Авксентьевича, Очкина Александра Васильевича, Михайлова Георгия Георгиевича, Ермакова Виктора Ивановича, Джагацпаняна Рафаэла Вачагановича, Захарова-Нарциссова Олега Ивановича, Шамаева Владимира Ильича, Булгакову Галину Поликарповну, Скобелева Сергея Алексеевича; и молодых преподавателей и сотрудников Шостенко Александра Гавриловича (в настоящее время профессор химии в Торунском университете им. Коперника, Польша), Тарасову Наталию Павловну (сейчас член-корреспондент РАН), завлаба Щербо Ольгу Ивановну, Мышкина Владимира, Пчелкина Александра, Королева Евгения, Кима Виссариона, куратора нашей группы Федорова Владимира и других.

Еще раз вспоминая 1 корпус общежития на Соколе, в памяти возникают упорнейшие битвы между лучшими игроками МХТИ по настольному теннису Эдиком Магомедбековым и Сережей Арутюновым, собиравшие полный холл студентов, пришедших поболеть и насладиться мастерской игрой. Сейчас Эльдар Парпачевич Магомедбеков заведует нашей кафедрой с другим названием (химия высоких энергий и радиозекологии) и является директором Института материалов современной энергетики и наноматериалов. Ему отдельная благодарность за то, что заложил основу научному сотрудничеству нашего университета с предприятиями ГК Росатом. В его рамках выполняется упомянутый выше проект с АО "Прорыв", являющийся частью работ по созданию но-

вой атомной энергетики, основанной на создании реакторов большой мощности на быстрых нейтронах и реализации замкнутого ядерного топливного цикла.

Сегодня наша любимая кафедра выполняет научные исследования в самых современных направлениях радиационной и радиохимии, в том числе в области ядерной медицины по созданию новейших радиофармпрепаратов, имеющих благородную цель диагностики и лечения онкозаболеваний.

В заключения хочется пожелать дальнейшего процветания и многие лета родной кафедре, институту, то бишь физхиму и всему РХТУ.

*От имени и по поручению наших выпускников,
Гаспарян М.Д.*

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ ФИЗХИМИКОВ

Физхимики 1980-х — по возрасту это дети первых выпускников ИФХ 1950-х. Они впитали «физхимовский патриотизм» с молоком матерей и сказками на ночь отцов. Их мемуарами ИВ планирует заняться к следующим юбилеям факультета-института. Небольшая подборка из архива редакции...

Группа Ф-66 выпуск 1982 г. (составил М. Бобров, доцент кафедры квантовой химии РХТУ)

1. Аржаткина Лидия Алексеевна
2. Аржаткина Оксана Алексеевна
3. Бобров Михаил Федорович
4. Бовина Марина Владимировна
5. Бычовская Марина Борисовна
6. Доронин Сергей
7. Дудин Сергей Иванович
8. Ершов Виктор Владимирович
9. Зимин Владимир Михайлович
10. Калинин Владимир Гелиевич
11. Конев Николай (перешел на ТОВ)
12. Марушкин Константин
13. Нехорошков Сергей Витальевич
14. Николюкин Александр Викторович
15. Саматов Андрей

16. Смурина Ирина
17. Соколов Александр Ильич
18. Фролова Елена Юрьевна
19. Чернянка Александр
20. Шишкин Сергей Владимирович
21. Шмидт Сергей Владимирович

«Я окончил Институт в 1982 г. ИФХ факультет. Распределили в ИАЭ им. И.В. Курчатова. Встретился там с выпускником 1962 г. академиком Легасовым Валерием Алексеевичем, будущим Героем России. Его работоспособность и сейчас меня удивляет. И это только один из выпускников, а их за историю существования факультета было очень немало. И все они трудились и трудятся на благо Отечества...»

*Аршинов Александр,
Москва, Россия, 2017 г.*

«Нас в Менделеевке учили не зубрить, а уметь находить ответы в учебниках и технической литературе, думать, логически выстраивая ответы на поставленные вопросы, чтобы потом,

после окончания института, уметь на практике применять полученные знания.

Помните?: "Забудьте всё, чему вас учили в институте, здесь производство". А к выпускникам Менделеевки отношение, как правило, было иное: "Менделеевец? Ждём от вас новых и оригинальных решений технических проблем производства".

На экзаменах можно было, как правило, пользоваться любой литературой; если что-то и подзабыл — знаешь где найти подсказку, а если не учил, то тебе и Ленинка не поможет.

Подход к образованию был оригинальный и, главное, эффективный. Давались глубокие и обширные знания по каждому предмету, преподаватели прекрасно понимали, что они готовят грамотных инженеров и будущих учёных».

*Громов Олег Борисович,
выпускник ИФХ 1979 г.*

Аспиранты кафедры физики МХТИ на научном семинаре. Среди них Михаил Бобров и Александр Варнек (крайний справа, о нем на стр. 25)

Курсанты на привале

Зам. декана Скобелев С.А.

Вручение дипломов 1982 г.

«Знакомые все лица...»

ГЕНЕРАЛЫ МИУС

Теперь об этом можно рассказать

Отдельный генеральский взвод можно было бы собрать из менделеевцев, удостоенных этого высокого звания: представители профессорского корпуса, выпускники разных лет. Открывает список Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков (в 1915 г. слесарь-водопроводчик МПУ). Далее идут профессора 1930-х Жуковский Н.И., Шорыгин П.П., Кретов А.Е., Сергеев П.Г. и др.

Из выпускников ИФХ известны имена двух генерал-лейтенантов: Ревин Валентин Алексеевич и Брянцев Игорь Николаевич.

В 1961 г. Игорь Николаевич Брянцев после окончания брянской школы №26 поступил в МХТИ им. Д.И. Менделеева, который окончил в 1967 г. по кафедре радиационной химии и радиохимии и был приглашен для продолжения научной подготовки в аспирантуру кафедры. Прекрасно защитился, работая на кафедре ассистентом. В 1972 г. был избран секретарем комсомольской организации института. Осенью 1973 г. принял предложение послужить Родине в структурах научно-технической разведки.

В заметке о разведчике читатель всегда ожидает и ищет штрихи из биографии, поскольку человек всегда интересен, индивидуален, ярок в деталях. Краткий инсайдерский эксклюзив ИВ о менделеевце-студенте

ИФХ Брянцеве И.Н. (на втором фото):

1. Зачетка. Взглянуть рядовому менделеевцу преклонных лет страшновато: первый экзамен на отлично во вторник 2 января 1962 г. (История КПСС) – последний в среду 8 июня 1966 г. (Масспектрометрия – Джагацпанян). И все отлично, ТОЛЬКО ОТЛ. – Красный диплом как итог.

2. Любовь к Л.Н. Толстому. Абитуриентское сочинение, конечно, по «Войне и миру». Любимая героиня - Наташа Ростова. «В Наташе меня привлекает ее непосредственность, поэтичность. Эти качества особенно ярко проявляются в сцене описания лунной ночи в Отрадном, когда Наташа, пораженная красотой русской природы, изливает переполнившие ее душу чувства в страстном монологе (без комментариев, лишь один штрих – жену нашего генерала зовут N....).

В музее истории Казанского университета (1972 г.) детально, со знанием интересовался «производственными» отношениями – ректор (Николай Лобачевский) – студент (граф Лев Толстой). Как известно, в итоге последний не получил высшего образования.

3. Футбол. Не публикуем, кого Игорь Николаевич выделял в

бундеслиге ФРГ, но в первенстве Союза ССР по футболу болел за команду «Торпедо» (Москва).

4. Пушкин А.С. был в чести у комсомольского лидера Менделеевского института. Прекрасно читал бессмертные философские: «Пора, мой друг, пора...»

О крепкой мужской дружбе на крутых поворотах истории страницы в воспоминаниях коллеги *Вениамина Ивлиева*.

Дружба дольше, чем полвека

В самом начале 1970-х годов мы, вчерашние студенты разных вузов, вновь окунулись как бы в студенческую жизнь. На сей раз учиться предстояло на экономических курсах Академии внешней торговли. Естественно, все быстро перезнакомились. Игорь Брянцев с его энергичным бодрым голосом, умением завести интересный разговор привлек к себе внимание с первых же дней. Считаю просто везением, что – как практически сразу выяснилось – мы жили в одном районе, поэтому возвращались домой в основном вместе. По дороге продолжали бурно обсуждать какую-либо тему, которую в перерывах между лекциями Игорь начинал развивать. Уже тогда удивляла широта его интересов, умение по-своему увидеть проблему и не просто высказать свою точку зрения, а аргументированно ее доказать. В то же время он с интересом выслушивал и другую сторону, как бы про себя сопоставляя мнения.

Это общение очень сблизило нас, хотя, казалось бы, мы были выпускниками отнюдь не близких, по сути, институтов. Что называется, профессиональные смежные темы найти представлялось не просто, но это отнюдь не мешало, скорее способствовало расширению моих познаний в области химии, коей в институ-

те овладел Игорь, а ему - в области радиотехники, моей специальности.

Потом были годы работы за рубежом, в Европе, но в разных странах, одинаковых лишь определением их социально-экономической системы – капиталистической. Место первой командировки Брянцева - Федеративная Республика Германии. Работал продуктивно. Но возвращение неожиданно осложнилось. Чтобы Игорю оказаться на родине, был предпринят скоропалительный и отнюдь не запланированный отъезд-выдворение из СССР ряда германских представителей. Брянцева же стремительно продвинули по служебной линии. Только новые подчиненные, знакомясь с ним, удивлялись, что у их молодого начальника густая шевелюра - практически вся седая...

Новое, более расширенное и статусное окружение Игоря не повлияло на нашу дружбу. Казалось, наоборот, она стала еще крепче. Мы общались не только в мужской компании, но и семьями. Тогда я воочию увидел Игоря и как хорошего семьянина. Он любовно и нежно относился к жене – красавице и умнице, закончившей одноименный с мужем институт, также, но с элементами требовательности - к детям, внимательно и заботливо к маме. Встречаться семьями удавалось не часто, но каждая отпечатывалась в памяти надолго.

Совершали совместные вылазки на природу. Также ездили по местам сражений в Великой Отечественной войне, по подмосковным музеям. И если для детей это было интересное путешествие с возможностью не только послушать, что им рассказывают на экскурсии, но и просто порезвиться на природе, для женской половины – пообщаться от души, то Игорь в каждой поездке пополнял как бы копилку памяти. Так, в Новоиерусалимском монастыре, в котором в середине 1980-х годов жизнь только начи-

нала теплиться после десятилетий забвения и разрухи, удивило, что Брянцев, как всегда, задавал вопросы служителям обители - не праздные, а со знанием исторической конкретики. И это не единственный пример.

Он был открыт всему новому. Так, из своей командировки мы привезли набор мячей для игры в «бочки», которой увлекались все итальянцы. Она не требовала особых условий. На любой лужайке, просто открытом пространстве можно было вдоволь наиграться. Игорь с удовольствием и успехом быстро освоил все премудрости игры, кидал шары, зачастую превосходя в азарте детей.

Окончание второй командировки Игоря, тоже в Германию, но только социалистическую, совпал с событиями ноября 1989 года. Падение Берлинской стены, как своеобразный триггер, повлек за собой падения многого чего в то время и последующие годы. Рассыпались казавшиеся незыблемыми связи. Бывшие наши союзные республики враз превратились в очень независимые государства.

В одну такую – ближайшую к нам и родственную до мозга костей – Украину, Игорь был командирован в качестве представителя Ведомства. Бессонными ночами писал он тревожные рапорты обо всем, что зорко подмечал и что его, как истинного, а не показного патриота нашей страны, не могло не волновать. Если в общении с простыми людьми еще не было заметно явных недовольств в сторону России, то в так называемой элите негатив к бывшей ближайшей соседке, что называется, крепчал. Игоря расстраивало не только это, а больше даже молчание в ответ на его продуманные аналитические записки.

По возвращении - тогда еще задолго до Майдана и всех прочих трагических событий - Игорь тяжело проронил: «Нам не избежать войны с Украиной».

Так уж получилось в жизни Иго-

ря, что многие знаковые события прошли через его жизнь. Ковид был для него последним.

В кругу друзей, бывших сослуживцев, всех тех, кто хоть как-то соприкоснулся с Игорем Брянцевым, его вспоминают как одного из самых светлых, цельных и талантливых людей.

Ревин Валентин Алексеевич

Выпускник ИФХ факультета (1955 г.). Генерал-лейтенант КГБ.

Валентин Алексеевич Ревин родился 16 сентября 1932 г. в Москве. Отец Алексей Иванович Ревин (1904-1974) известен как директор издательств «Правда» и «Большая Советская Энциклопедия». Валентин во время войны был в эвакуации (Горький, Омск). В 1943 г. поступил в 4-й класс московской школы № 146, которую окончил с золотой медалью в 1950 г. В школе был секретарем комсомольской организации. В Менделеевку он был зачислен на ИФХ (второй набор нового факультета) как медалист. Учился отлично, Сталинский стипендиат, секретарь курсового бюро. «В общественной работе принципиален и инициативен (из выпускной характеристики).

Красиво смотрится через десятилетия зачетка студента Ревина В.А. № 49818 – лишь две оценки «хорошо» в первом семестре, остальные автографы против оценки – «отлично».

С 1960 г. Валентин Ревин слу-

жил в ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР. Есть информация в интернете о долгосрочных служебных командировках в США (1963-1966 гг.), в Японию (1970-1975 гг.).

В 1975-1979 гг. Валентин Алексеевич служил на должности начальника управления Т. (научно-техническая разведка) ПГУ КГБ СССР.

О службе нашего выпускника в Афганистане много доброго в мемуарах руководителей нашей разведки тех лет.

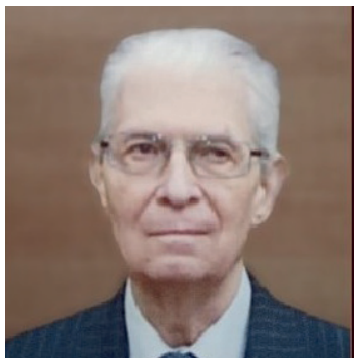
В 2022 г. сайт «Ветеранские вести» написал:

Легендарному разведчику – 90!

16 сентября исполняется 90 лет со дня рождения замечательного человека, выдающегося военачальника, генерал-лейтенанта КГБ СССР Ревина Валентина Алексеевича.

Он был с нами в те самые тяжелые три года после вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана (1989, 1990, 1991). Всё это время Ревин В.А. возглавлял самый большой советский коллектив, оставленный в Афганистане после вывода войск – Представительство КГБ СССР при органах безопасности Республики Афганистан (РА). Под началом Валентина Алексеевича мы пережили тотальную блокаду Кабула мятежниками, каждодневные массированные обстрелы афганской столицы, бесчисленное множество терактов, попытку военного переворота.

Под непосредственным контролем Валентина Алексеевича в

рамках Министерства государственной безопасности РА был сформирован корпус Гвардии Особого Назначения (ГОН) в составе 6 бригад с приданным оперативно-тактическим ракетным вооружением. Нам пришлось осваивать основы военного искусства и на ходу применять их на практике. ГОН зарекомендовал себя самой достойной боевой силой в срыве планов многочисленных противников Советского Союза по свержению афганской государственной власти. Нашими усилиями ГОН был превращён в надежного союзника афганской армии, которая всегда могла рассчитывать на его поддержку.

В том числе усилиями нашего коллектива Представительства удалось переломить негативный сценарий развития военно-политической обстановки в республике. Противнику не сдали ни одного регионального центра (Кандагар, Герат, Мазари-Шариф, Джелалабад), не позволили афганской вооруженной оппозиции овладеть узловыми провинциальными городами. Она даже не смогла сломить самый малочисленный гарнизон в городе Калат (провинция Заболъ). Президент Республики Афганистан Наджибулла вплоть до 1992 года устойчиво удерживал позиции государственной власти в 22 из 26 провинций страны.

Сосредоточение в одних руках, под началом Представительства КГБ СССР мощной разведывательной базы, активной контрразведки, специальных подразделений антитеррора, мобильной Гвардии особого назначения и приданных ей тяжелых средств поражения дали результат, который удивил весь мир. Президент Наджибулла стоял, несмотря на все прогнозы самых «эффективных» мировых разведок и «мозговых центров». И во всем этом был огромная персональная заслуга Валентина Алексеевича Ревина.

Наш руководитель демонстри-

ровал личное мужество и героизм. Известны факты его встреч с лидерами моджахедов в глухих горных ущельях без оружия, без охраны и даже без сопровождения переводчика. Один в логове врага! Он не только постоянно направлял нас в командировки в афганские провинции для уяснения ситуации, принятия мер по недопущению провокаций в регионах, срыва наступательных акций противника, но и сам часто вылетал на афганскую периферию и принимал самое деятельное участие в решении указанных задач.

Валентин Алексеевич проявлял постоянную заботу о нас, понимая то, что мы годами в отрыве от Родины и от своих семей, не жалея себя, стояли на страже советских государственных интересов в далёком афганском краю. И тот факт, что за все эти три суровых года среди нас не было ни одного погибшего при исполнении служебного долга, что мы все вернулись живыми, хотя и не без ран, - велика личная заслуга нашего глубокоуважаемого Руководителя. Он был нашим наставником и учителем, самым старшим по возрасту, его мнение, позиция дорогого стоили для нас, мы к нему прислушивались и из любой ситуации выходили с достоинством. Каждый из нас, советников, находился на самостоятельных направлениях вооруженной борьбы, мы не зависели друг от друга. Однако Валентин Алексеевич приучил нас к взаимодействию, взаимовыручке, сопереживанию друг за друга.

В.А.Ревина отличали личная скромность, твердая выдержка и терпение. Эти качества он передавал нам, что очень пригодилось не только в самые критические моменты нашей афганской службы, но и было спутником во все последующие годы.

Нас переполняют чувства гордости от того, что в самые трудные периоды имели честь служить под командованием Великого Валентина Алексеевича Ревина.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ПОКОЛЕНИЙ

Р.А. Буянов

1927- 2020

Роман Алексеевич Буянов – выпускник ИФХ 1950-го г., член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, более 50 лет активной творческой жизни посвятивший Институту катализа СО РАН.

Книга его воспоминаний (*Буянов Роман Алексеевич. Три жизни в одной (Я и среда обитания) : [воспоминания] / Р. А. Буянов. – 2-е изд., доп.. – Новосибирск : ИК СО РАН, 2014.*) имела широкий резонанс, но большому кругу читателей не доступна. Новосибирское издательство выпустило два издания ограниченными тиражами.

Публикуем несколько отрывков, связанных с событиями и персонажами, имеющими отношение к Менделеевскому институту.

Передача эстафеты

Я прожил более 85 лет, как говорится, «от зачатья до распятия» в полную меру моих сил, в постоянной связи со средой обитания и переживаниях исторических бифуркаций, с чувством предназначения служению Отечеству. Достоверность исторической и личной информации, положенной в основу

книги - это главное её достоинство. В ней нет вымышленных фамилий, событий, фактов, домыслов. Эта книга является достоверной хроникой событий самого сложного, героического и трагического периода истории СССР и России. Мне довелось быть современником, свидетелем и участником событий тех лет, когда Россия превратилась в Великую державу – СССР, и начинала создаваться новая цивилизация. И мне довелось быть свидетелем катастрофы и трагедии, постигшей наше Отечество.

И вот, в конце жизни возникла потребность и чувство долга передать нашим потомкам правду и истину о событиях и истории моего поколения. В такой передаче эстафеты веков материализуется великий смысл истины: связь времён и поколений состоит из любви к Отечеству. Россия была, есть и будет, пока жива эта связь.

С благодарной памятью я посвящаю эту книгу моим замечательным друзьям и единомышленникам. Многие из них уже покинули этот бренный мир. Но память о них как исторический ориентир высветит для потомков ту единственную дорогу, которая приведет к истине.

Р.А. Буянов

Техникум пищевой промышленности

После разгрома немцев под Москвой в школах с запозданием началась учёба. Весна 42-го года была тяжелой для населения. Москва была на грани голода, хлебные районы были у немцев. Чтобы представить обстановку, приведу два примера.

В школе на большой перемене в класс входил дежурный. В руках у него фанерный поднос. На нем кусочки чёрного хлеба, если его с сегодняшней точки

зрения можно так назвать. Каждый кусочек величиной 6х6 см по числу учеников. Каждый из нас ждал этого момента, смиренно брал свою пайку и, казалось, что в этом акте весь смысл этого дня.

До появления урожая на огородах мы варили щи из крапивы с небольшими добавками какой-нибудь крупы или муки. Но мой желудок не воспринимал такого издевательства. Я вливал в него, а он выбрасывал обратно. Так и проходил то ли процесс питания, то ли промывания желудка.

Весной 1942 года я окончил седьмой класс. Война в разгаре и продолжать учёбу в восьмом классе было бессмысленно.

Однажды, голодный и растерянный я брёл по Москве и, вдруг, увидел объявление о наборе учащихся в техникум пищевой промышленности. И тут на траектории моей жизни произошла бифуркация. Вот, подумал я с высоты своего семилетнего образования, там решатся мои проблемы. Так я поступил в техникум на кондитерский факультет, но для солидности - на механическое отделение. Буду, думаю, чинить машины, на которых делают шоколадные конфеты.

Техникум располагался на набережной Москвы-реки напротив Кремля. Одна его сторона выходила к реке, другая - к «Каменному мосту». С другой стороны моста стоял печально знаменитый правительственный «дом на набережной», о котором и наше время написано так много правды и домыслов. В 1942 году ему исполнилось всего одиннадцать лет «от роду». Но уже тогда он был окутан мрачными слухами, которые расползались только шепотом. Рядом с этим домом располагался кинотеатр «Ударник», а за ним и та самая вождя кондитерская фабрика.

Здание техникума выглядело как после погрома, и до моего поступления в него оно явно не функционировало. Первый год обучения меня закалял. Температура в помещениях часто опускалась до того, что чернила в чернильницах замерзали. Тогда мы писали карандашами в варежках с дырками для пальцев на грязно-коричневой оберточной бумаге, из которой вываливались древесные фрагменты, оставляя после себя мелкие дыры. В общем, этот материал только условно можно было назвать бумагой.

Иногда по ночам мы дежурили на крыше во время воздушной тревоги. Это - чтобы обезвреживать зажигательные бомбы. Нам выдавали зачернённые смотровые щиты, как у сварщиков автотеном, рукавицы и длинные щипцы не по возрасту, которыми можно было схватить «зажигалку» и сбросить вниз или в ящик с песком. Одну такую удалось ликвидировать и мне. Я чувствовал себя героем и никому не говорил, что после такого героического действия у меня дрожали колени до утра, и действовал я почти автоматически, не успев понять, что произошло.

Проучился я в техникуме всего полтора года. После первого курса мы, так называемые студенты, были отправлены на лесозаготовки. На каком-то полуразвалившемся баркасе нас по реке доставили в неведомое нам село «Гусь железный». Там все лето до осени мы занимались прокладкой, так называемых, «усов» из длинных тонких стволов сосен. Это — одно-рельсовые дороги, по которым взрослые мужики перемещали на деревянных тачках «модеронах» бревна для сплава по реке. Местный бригадир наш с утра до вечера валялся в стельку пьяным под каким-нибудь кустом, и мы приглядывали за ним. Там я успел заболеть дизентерией и малярией. Валял-

ся в бараке, ел только какую-то жижу из рисовой крупы и пил настой из шиповника, который готовили мои товарищи. Когда я воскрес от дизентерии, меня этапировали домой. Приступы малярии изводили меня более двух лет. Я пил хину и акрехин, был весь жёлтый вместе с одеждой и заработал гастрит.

В сентябре 1942 года, когда немцы вышли на берег Волги к Сталинграду, и сложилась критическая ситуация на фронте, я решил, что настало историческое время вступить в комсомол. Подал заявление, и меня приняли. В этом повествовании объём моего опуса не позволяет вспомнить много интересного об учёбе и техникуме. Скажу лишь, что в тех условиях учебой это можно было назвать весьма условно.

19 ноября началось наступление наших войск под Сталинградом, которое завершилось 02.02.1943 г. полной ликвидацией всей этой орды под командованием фон-Паулюса. С каким ликованием мы слушали правительственное сообщение об этом событии!

После Сталинграда конец войны был предрешён. Жизнь была всё такой же холодной и голодной. Но свет в конце туннеля показался. Мой младший брат, которому было 5 лет, даже не представлял, что может быть такое время, когда войны не будет, а хлеба будет сколько хочешь. Он всегда ходил с мамой в хлебный магазин отоваривать по карточкам дневной паек хлеба. Для него это были самые волнительные мгновения, т.к. продавец отрезал от буханки положенную порцию и, как правило, оказывалось необходимо доложить довесок, чтобы всё сошлось до грамма. Вот этот довесок и был для брата предметом вожделиний и волнений, т.к. его тут же отдавали ему «Какой он будет в этот раз? Вот вопрос! Ох, хоть бы побольше!»

Однажды он спросил у мамы: «А если кончится война, хлеба будут давать больше?» Мама сказала, что хлеба тогда будет много. И брат воскликнул: «Вот когда я вырасту, я тогда куплю тебе 100 буханок хлеба и все с большими довесками...»

В этой детской мечте раскрылась вся звериная суть войны, весь её маразм и преступность. Но (бывает же так!), этот ребенок, вдруг зародил во мне мысль, что мой выбор техникума не оптимален. И в траектории моей жизни снова произошла бифуркация.

Курсы для подготовки в МХТИ

Я случайно прочитал объявление о наборе учеников на курсы по подготовке в МХТИ им. Д. И. Менделеева. В связи с войной на курсы принимали учащихся, окончивших 7 классов и более. Условия: за четыре месяца нужно было пройти школьную программу за 8, 9 и 10 классы, сдать экзамены, получить аттестат зрелости, сдать вступительные экзамены в институт. Сегодня трудно даже представить такое. Это — почти прыжок без парашюта в надежде, что упадёшь в стог сена.

Мой брат меня нацелил, и зимой 1943 года я был зачислен на эти курсы. В какой-то мере этот вариант комплектации студентов говорит и о том, что государство уже думало о кадрах после войны, о том, что их дефицит может стать тормозом в процессе послевоенного восстановления всего порушенного. Эта дальновидность шла на нестандартные решения. Учёба на курсах была как испытание на выживание.

В конце концов, я и мой друг, которого я перетянул из техникума, закончили эти курсы. Мы были полуживые. Я вспомню лишь заключительный аккорд. После последнего экзамена, где-то в конце мая 1944 г., мы, как в

бреду, опустошённые, обессиленные и даже не осознавая, что все позади, брели по улице Горького. Мы вышли к Александровскому саду у Кремля.

В том месте, где сейчас могила неизвестного солдата, росли кусты сирени и какие-то лиственные деревья. «Борис, — сказал я, — сил нет. Давай на пять минут залезем в кусты и передохнем». Солнце склонялось к вечеру, было тепло и тихо. А может быть, просто от переутомления мы не слышали городского шума. Мы легли в кустах на 5 минут и закрыли глаза. Мы провалились в сон, но нам снился один и тот же сон: нужно встать через 5 минут, иначе нас извлечёт из-под Кремлёвской стены какой-нибудь патруль. И мы одновременно открыли глаза. Было совсем тихо, и мы не сразу осознали, что это было уже раннее утро следующего весеннего дня, в котором мы были уже в новом качестве — почти студенты МХТИ. Это был завершающий аккорд, финал первой части моей жизни. Я вспомнил о своих родителях, и мне захотелось им все рассказать. Мои отношения с ними были своеобразными.

Мой отец был добрым и бескорыстным человеком. По-своему он любил меня. Во всяком случае, я знал, что для меня он ничего не пожалеет, хотя никогда этим не пользовался. Но его метод воспитания исчерпывался тем, что периодически он спрашивал меня: «Так, ты в каком классе учишься»? Я отвечал, и нас обоих эта форма воспитательного общения устраивала. Решения о всех моих бифуркационных переходах и новое состояние (переход после седьмого класса в техникум, затем на курсы МХТИ, затем в студенты МХТИ) я принимал без согласования с родителями, втихую. Они узнавали о них как об уже свершившихся фактах. Может быть, это объясняется тем, что они всё равно помочь мне ничем не могли. Суета же

вокруг «процесса» мне казалась лишней.

И все же позже я понял, что решающим условием моих поступков была моя мама. Она была моим ангелом-хранителем. Иногда она говорила мне: «Я верю тебе, и пусть моя вера поможет тебе». И эта вера была для меня как путеводная звезда, как тест при принятии решений, потому что я безгранично верил в её любовь ко мне и любил её. Я не мог её огорчить. Её слова определяли ход моих мыслей, почти как философия жизни. И это был её бесценный вклад в успехи моего блуждания по жизни.

Студент 1-го курса

Осенью 1944 г. мы стали студентами 1-го курса. 1943-1944 годы закалили меня, сделали почти взрослым мужчиной. Какие ещё события этих лет запомнились?

В 1943 году мы разгромили немцев под Курском и Орлом, и 05.08.43 года в Москве был произведён первый артиллерийский салют войскам освободителям Курска и Белгорода. 01.01.1944 г. впервые по радио был исполнен государственный гимн СССР. 27.01.1944 г. был окончательно разблокирован Ленинград. 06.06.1944 г., наконец, открылся второй фронт высадкой десанта в Нормандии на побережье Франции. А 17.07.1944 г. произошло событие, которое стало символом торжества добра над злом.

Через Москву в лагеря для военнопленных были отконвоированы 57600 немецких пленных солдат и офицеров. Они шли по кольцевому проспекту Москвы по 20 человек в ряду. Отрешенные, раздавленные тем, что 1000-летний Рейх развалился с их участием всего за несколько лет. Их Бог — фюрер оказался обыкновенным свихнувшимся фанатиком, а впереди колысались лишь мрак неизвестно-

сти. Мне повезло. Ведь я почти случайно в это время оказался у Крымского моста по пути движения этого мрачного потока. С точки зрения психологии я был охвачен каким-то неведомым до того чувством, описать его не берусь. Это был апофеоз войны. Так в моей жизни, как и в жизни миллионов людей СССР, открывались ясные горизонты и вера в будущее.

В Менделеевке

Наступал послевоенный мир, который, как мы знаем, вскоре трансформировался в «холодную войну».

В июне 1945 г. закончились экзамены студентов первого курса МХТИ. Я перешёл на 2-й курс с оценками по всем предметам «5». Я активно участвовал в общественной жизни Института. Был избран членом бюро ВЛКСМ факультета, председателем туристско-альпинистской секции Института, был и бригаде агитаторов, принимал активное участие во многих мероприятиях. Учеба мне нравилась и давалась легко.

В то время контроль посещаемости лекций в Институте практически отсутствовал, и я по ряду предметов их просто не посещал. Мне нравилось изучать предметы по учебникам и монографиям, и это для меня давало свои положительные результаты. Так, на третьем курсе я на лекции вообще не ходил, а экзамены сдавал всегда досрочно (это тогда разрешалось при условии повышенного спроса).

Весь процесс нашего обучения, вся среда обитания в МХТИ как-то ненавязчиво формировали в нас подсознание, что значимость и смысл жизни человека определяются системой его ценностей, и что только в усилиях исполнить должное человек познает себе цену. С этими убеждениями и чувством долга выпускники МХТИ выходили в жизнь. Да и сами по себе

четыре года войны сделали из нас патриотов с высокими нравственными качествами. И эти нравственные качества народа были важнейшим капиталом, который работал на благо Отечества и творил чудеса.

Весной 1946 года, когда я учился на втором курсе, я сблизился с некоторыми студентами, которые стали моими друзьями на всю жизнь. Это были Д.Г. Кнорре, В.П. Мамаев, Г.А. Ягодин, Г.Г. Якобсон, М.Я. Фиошин, Н.Б. Борисов. Забегая вперед, скажу, что впоследствии все они стали известными учёными.

Академик Кнорре Д.Г. и член-корреспондент Мамаев В.П. стали директорами крупных НИИ в Сибирском отделении АН СССР (РАН). Член-корреспондент Ягодин Г.А. несколько лет работал представителем от СССР в МАГАТЭ, затем — ректором МХТИ. затем был министром высшего и среднего образования СССР в правительстве Рыжкова Н.И.

До назначения на этот пост Ягодина Г.А. в течение 30 лет Министерством блестяще руководил Елютин В.П. Об этой яркой личности впоследствии вспоминал председатель Совета ректоров России академик Садовничий В.А. «Елютин В.П. был уникальным организатором. Ему удалось создать индустрию образования... Американцы сделали вывод, что их система образования негодная, надо срочно учиться у Советского Союза». Приняв такую эстафету, Ягодин Г.А. не понизил планку и успешно руководил Министерством.

Со студенческих времен я всегда восхищался его чёткостью, организованностью, целеустремленностью. Забегая вперед, замечу лишь, что он ушёл с этого поста вместе со всем правительством Рыжкова Н.И.

Профессор Фиошин М.Я. стал

деканом самого крупного факультета МХТИ — неорганической химии и заведующим кафедрой электрохимии.

Профессор Борисов Н.Б. руководил лабораторией и НИФХИ им. Карпова, стал Лауреатом Ленинской премии, получил большую дозу облучения при испытаниях атомного оружия на Новой Земле.

Профессор Якобсон Г.Г. стал заведующим лабораторией в НИОХ СО АН СССР и крупным специалистом и области фторорганических соединений.

Все они имели по несколько высоких государственных наград и орденов. И никто им в их продвижении не помогал.

Более чем через 40 лет в «Воспоминании о друге», уже ушедшем из жизни, я писал: «По мере того, как жизнь неумолимо насчитывает нам годы, всё более остро приходит осознание того, как много значат для нас настоящие друзья. Я имею в виду друзей с высоким пониманием этого слова. Мы можем иметь много хороших товарищей и знакомых и менять их по обстоятельствам. Но друг - это подарок судьбы. Друзей не бывает много. Говорят, что «не трудно умереть за друга. Трудно найти друга, за которого стоит умереть». И хотя это высказывание из области юмора, но оно несет в себе глубокий смысл.

Таким другом был для меня В.П. Мамаев. Он вышел из моей молодости, когда мы верили так, как можно было верить только в те далёкие прекрасные годы. Мы вместе пронесли эту веру и верность через годы и десятилетия. Увы, жизнь оказалась не такой длинной, какой она представлялась тогда, в годы нашего студенчества.

Летом 1945 года я в составе группы из 5 человек совершил первое в моей жизни крупное путешествие по Стране. На старинном грузопассажирском лопадном пароходе «Капи-

тан Рачков», построенном ещё до Революции, мы отчалили от Химкинского порта г. Москвы и за 19 дней добрались до Астрахани. Всё это путешествие, и особенно сам пароход, напоминало эпизоды из кинофильма «Волга-Волга». Во всех приволжских городах пароход стоял по несколько часов, так что мы успевали всё осмотреть.

В первые несколько лет после окончания войны наши города ещё сохранили обстановку и колорит военного времени. Самым достопримечательным явлением были базары. На них шёл бойкий торг всем, что только могло уместиться в рассудке: и местное, и подпольное, и вывезенное из Германии, и ворованное, и награбленное, и вообще, неизвестного происхождения. Диапазон персонажей на таких столпотворениях не поддаётся воображению. И над всем этим невообразимым концентратом человеческой бытия висело какое-то незримое, но вязкое облако бесконечного разнообразия человеческих эмоций, ещё не освободившихся от ужасов войны и её последствий.

При первом же посещении такого базара нас обманули, и мы потом до слёз хохотали. Мой друг Фиошин купил по дешёвке ярко-синюю майку и надел её. Было жарко, и когда уже на пароходе он снял её, то сам был такого же цвета. Оказалось, что это была полуистлевшая майка, покрашенная в обычной синьке. Майку он выбросил за борт, и вода в реке тоже окрасилась. Под лозунгом «не гонялся бы ты, поп, за дешевизною»... мы успокоили его предположением, что эту майку сняли с покойника.

Особенно запомнился Сталинград. Он лежал в нетронутых руинах так, как будто бои только что прокатились по городу. Были расчищены лишь дороги вдоль улиц. Кое-где из-под развалин таращились ред-

кие окна чудом сохранившихся подвалов, в которых уже поселились первые сталинградцы. Жаль, что не был создан полнометражный документальный фильм со съёмками улиц и площадей этого Города-Героя. Для потомков, для памяти.

Было бы точнее сказать, что в этом чудовищном мёртвом каменном хаосе ни улиц, ни площадей не было. Так свихнувшаяся цивилизация продемонстрировала человечеству, что такое суицид. Безумное умерщвление города произошло 23 августа, когда немецкая ударная группировка Паулюса вышла к Волге севернее Сталинграда. В тот же день немецкая авиация обрушила на жилые кварталы города всю свою разрушительную мощь. За 4.5 часа бомбардировки города было сделано 2000 самолётовылетов. Лишь через годы стало известно, что за эти 4.5 часа погибло 40 тысяч человек и около 120 тысяч получили ранение. Так Паулюс намеревался одним ударом сломить сопротивление защитников Сталинграда.

От Сталинграда до Астрахани наш «лайнер» плыл без приключений. Сам этот город произвёл на нас впечатление забытого миром безвременного обиталища. Местные жители нас предупредили, чтобы мы не выходили ночью в город, иначе нас сразу же ограбят и пристукнут. Поэтому всю ночь мы просидели на вокзале под прищмотром милиционера, похожего на бродягу, переодетого в занюханную форму из какой-то свалки. Днём по городу ходили трамваи, готовые развалиться в любой момент. Почему-то запомнилась тщедушная речушка, которую местные жители называли – «Это река Балда».

После Астрахани мы пересекли Кавказ и оказались на Чёрном море. Без денег, без билетов, без еды. И здесь я вспомню ещё одну экзотическую страни-

цу послевоенных лет.

В 45-47 годах по нашим железным дорогам ходил удивительный товарный поезд №501. В народе его называли «пятьсот-весёлым». Поезд «для всех». Он ходил без расписания, стоял без объявлений времени. Мог простоять, несколько часов, мог тронуться через несколько минут. Билеты на него, как правило, не брали. В вагонах ехали все, кому нужно и не нужно. В некоторых вагонах кочевали целые семьи «туда и обратно», отгородившись в конце вагона занавеской. Это те, кому ехать было некуда, у кого война отняла все. Несмотря на всё это нелепое порождение, такой «поезд» многих выручал. Выручил он и нас. Питаясь случайными источниками, на «пятьсот-весёлом» мы действительно весело и с большими впечатлениями добрались до дома.

Эти сцены из нашего первого путешествия я вспомнил потому, что они как-то воссоздают картину того времени. Жаль, что не было Ильфа и Петрова. Получилось бы необыкновенное произведение: каждый вагон — это неповторимый мир и экзотика.

В последующие годы были и другие походы через Кавказ.

Однажды, наша небольшая полуальпинистская группа в составе Кнорре Д., Мамаева В., Фиошина М., Борисова Н. и меня прошла по Баксанскому ущелью на Эльбрус, затем через перевал Бечо мы вышли в полудикий тогда горный, изолированный от мира район Сванетию и в конце похода вышли к Батуми.

На 4-м курсе обучения мы выбирали будущую специализацию, и я выбрал кафедру электрохимии. В конце 4-го курса, весной 1948 года мы проходили производственную практику на заводе ЗИЛ в цехах гальванического меднения, никелирования, хромирования, цинкования и других операций. А осенью

1948 года, уже на 5-м курсе я прошёл практику на комбинате № 96 в Дзержинске под Горьким. В то время в этом городе спешно строились предприятия большой химии. В этой спешке при всеобщем дефиците средств, материалов, людей и нарастающей напряжённости в международной обстановке на многие недостатки и недоработки в технологиях закрывали глаза, и в первую очередь от большой химии страдала окружающая среда. Во всём районе г. Дзержинска не росла ни трава, ни какая-либо другая зелень. Был один песок, который в порывах ветра засорял глаза и затруднял дыхание. С сегодняшней точки зрения допускались, можно сказать, экологические преступления. Так, например, цеха, потребляющие хлор для разных синтезов, не были готовы к принятию всего количества хлора, производимого как второй продукт при электролитическом производстве щелочи. Весь избыток хлора пускали на «факел», в котором водород «горел» в среде хлора. Образующуюся при этом соляную кислоту сливали, и она попадала в реку.

Много лет спустя, когда я работал уже в Новосибирске заместителем генерального директора Межотраслевого научно-технического комплекса (МНТК) «Катализатор», я побывал в Дзержинске и не узнал его. Это был красивый, весь в зелени и цветах город. Разговоров об экологии не возникало.

После практики на комбинате №96, весной 1949 года я выполнил дипломный проект электрохимического цеха. Я готовился к защите диплома с последующим распределением на работу. Но тут произошло событие, которое изменило весь дальнейший ход моей жизни. Для меня это — случайность, для государства — осознанная необходимость.

Кафедра № 44

Эта весна 1949 года для многих, наиболее успевающих студентов старших курсов МХТИ, и для меня запомнилась событием, которое предопределило нашу судьбу.

Те годы были какими-то особенными. Они заслуживают талантливого и правдивого обозрения очевидца, а не домыслов «демократического разлива». Здесь же замечу, что радость недавней великой Победы, пафос труда по восстановлению порушенного, вера в Россию омрачилась предчувствием смертельной угрозы, которая, как джин из бутылки, вышла в 1946 году из фултонской речи У. Черчилля. Помню, как полным ходом раскручивался маховик холодной войны, росла международная напряжённость, отбомбили Хиросиму и Нагасаки, росло всеобщее осознание того, что только создание в СССР атомного оружия может предотвратить катастрофу.

Для этого необходимо было в кратчайший срок подготовить высококвалифицированные кадры. И вот, выходит Постановление правительства об организации секретных кафедр №43 и 44 при МХТИ. Но ждать несколько лет, пока абитуриенты превратятся в дипломников, было невозможно. По всему Институту были отобраны наиболее успевающие студенты старших курсов для доучивания. На это у меня ушёл ещё один год. После всесторонней проверки на благонадёжность и возможность допуска к совершенно секретной работе меня перевели на кафедру № 44.

Заведующим кафедрой был молодой профессор Г.К. Боресков. Ему было всего 42 года. Лекции он читал блестяще, и мы слушали их как завораживающую мелодию.

Семинары вёл к.х.н. М.Г. Слинко. Его энтузиазм и увлечённость рождали в нас светлую веру в то, что мы нужны и нас

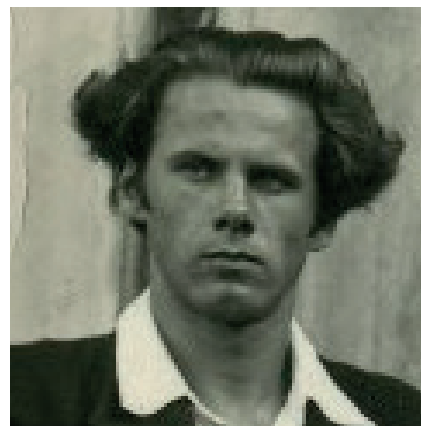
ждут великие дела, а его компетентность вселяла уважение. И вообще, все наши учителя были ведущими учёными, крупными специалистами в своей области знаний. Предстояло учиться ещё год. Так мне суждено было стать специалистом с весьма туманным названием — «инженер-физико-химик».

Мы были первым выпуском кафедры №44, который состоялся весной 1950 года. нас было всего около 30 человек, и каждый из нас готовился целевым назначением, «поштучно».

Помню, как нам были предложены темы дипломных работ, каждая из которых требовала срочного решения с последующей реализацией. Я посмотрел на список тем и в течение пяти минут выбрал себе тему: «Исследование причин и условий взрыва жидкого водорода с взвешенными в нем частицами твёрдого кислорода», показавшую мне экзотичной. Всё было засекречено, и я не знал, для чего это нужно.

На выполнение дипломной работы я попал в Институт физических проблем АН СССР, где директором был академик А.П. Александров. Непосредственным моим руководителем стал профессор Малков М.П. и тут выяснилось, что работу эту по ряду причин выполнять невозможно. Но зато меня подключили к работе по проекту промышленного объекта, для которого изначально и планировалась моя дипломная тема. Это было производство тяжёлого водорода методом ректификации жидкого водорода. Так за пять минут, затраченные мною на выбор темы, решилась моя судьба на многие десятилетия.

Я сделал свой дипломный проект. Он был засекречен по высшей категории «Совершенно секретно, особая папка». К этой теме были допущены всего несколько человек. Они и составили приемную комиссию из пяти человек за закрытыми дверями.

Роман Буянов — из выпускной фотографии первых физхимиков 1950-го года

В мае 1950 года я защитил свой дипломный проект с большими похвалами за творческий вклад в решение этой необычной проблемы. При получении диплома об окончании МХТИ в моём сводном таблице значилось, что за годы обучения мною сданы экзамены по 45 предметам и все с оценкой «5», кроме английского языка. По этому предмету мне вкатили «3». Его мой организм отторгал где-то на биологическом уровне. Впоследствии я много раз возвращался к попытке преодолеть эту силу отторжения, но безуспешно.

Чирчик

Мне пожали руку и распределили целевым назначением в распоряжение МХП СССР. Там произошла история, которая была следствием сверхсекретности моего назначения.

Никто не знал, с какой целью меня направили в МХП. Меня допрашивали чиновники разных уровней, что значил «инженер-физико-химик»? Я же не имел права отвечать даже на такой вопрос, хотя знал, что должен поехать в г. Чирчик в сорока километрах от Ташкента, чтобы строить и пускать свой объект на Чирчикском электрохимическом комбинате им. И.В. Сталина. Мне стали предлагать работу в г. Горький, ещё где-то и даже в Москве. Но я отказы-

вался. Так прошло около десяти дней недоразумений. Обстановка накалялась. Наконец, из «поднебесья» поступило распоряжение знаменитого министра среднего машиностроения Е.П. Славского. Всё стало на свои места. Я получил направление и стал собираться в путь. Я оказался единственным специалистом для этой цели.

Мне предстояло расстаться с тем миром, в котором я родился и вырос, который был для меня Родиной, Отечеством. Мне предстояло ехать в совершенно другой. Климат в этих краях позволял выращивать за сезон два урожая многих пищевых культур. Столетиями совершенствовались искусство орошения полей через систему арыков. И не случайно в прошлом была поговорка: «Ташкент город хлебный». Теперь же я наблюдал лишь хлопковые плантации, пустые магазины и какую-то молчаливую отчуждённость местного населения от России.

Через пару недель, посвящённых вхождению в мою вторую жизнь, трудоустройству и быту, я появился в цехе, где должен был проходить стажировку в ожидании моего допуска к секретной работе. Персонал цеха принял меня радушно, и я легко вписался в коллектив.

Я изучил все рабочие места и самостоятельно поработал по сменам, в том числе и начальником смены.

Когда пришёл мой допуск, я был переведён на должность старшего инженера в Управление капитального строительства, т.к. должен был возглавить строительство и монтаж моего объекта. Несмотря на довольно строгий пропускной режим на территорию комбината, мой секретный объект располагался в особой закрытой и сильно охраняемой зоне уже внутри территории комбината.

Только приступив к работе, я осознал, как много мне дал мой

Институт — МХТИ, моя кафедра №44. И кроме обширных и всесторонних знаний он дал мне веру и убеждение, что мы стоим лишь того, чего стоят наши заботы и печали.

Комбинат строился. Всё множество строящихся новых объектов и цехов было распределено между двумя кураторами монтажного отдела УКС, одним из которых вскоре стал я. Среди нескольких самых разнообразных объектов (цех крепкой азотной кислоты, ТЭЦ, завод сухого льда и т.д.) у меня был и мой любимец, ради которого я поехал на край Земли.

Чтобы сразу стало более понятным содержание моей работы и её предназначение в ней, я несколько нарушу хронологию моих воспоминаний.

На моём любимом объекте я курировал строительство и монтаж всего технологического оборудования и лично создал всю пусковую и эксплуатационную документацию от технологических регламентов до инструкций по всем рабочим местам; набрал и обучил персонал; в составе государственной комиссии запускал объект. Объект по тем временам был чудом техники, такого не было нигде в мире. Да и по сегодняшним меркам, через 50 лет, он остаётся чудом. Достаточно сказать, что в этом производстве необходимо было ежечасно ожигать и подвергать ректификации при температуре 20К, когда воздух превращался в твёрдые кристаллы. по 30 тыс. м³ водорода, предварительно очищая его от всех примесей, включая кислород и азот, до их содержания 10⁻⁹ - 10⁻¹⁰ доли по объёму.

Конечно, с точки зрения сегодняшней действительности возникает вопрос, почему на одного человека, да ещё и, по нынешним представлениям, на «молодого специалиста» ввалили такую многоплановую и объёмную ношу. Главная при-

чина состояла в том, что я оказался первым и единственным выпускником МХТИ, который готовился по этой проблеме, принимал участие в его разработке и проектировании. К тому же, я был направлен на ГЧЭЖ для этой цели по указанию знаменитого министра Минеремаша СССР Е.П. Славского.

Возвращение в Москву

И вот сегодня я уезжал на север, в ту страну, где моя благодать. И как будто в унисон с этим событием, меня сопровождает зима. На зелёных ветвях деревьев, на кустах, на газонах лежит мокрый снег, как будто напоминая, что я возвращаюсь в ту страну, где бывают настоящие зимы с сугробами и морозами, ёлками и снегурочками.

Поезд незаметно тронулся. Мне повезло — в купе я оказался один. И лишь на какой-то остановке ко мне подсади два приветливых и весьма приятных узбека.

Поезд быстро и весело стучал колёсными парами по стыкам рельс, за окнами проплывали города и посёлки. Проводник разносил чай, из радиоприёмника цедила ненавязчивая струйка какой-то мелодии. Я созерцал мелькающие за окнами картинки, и вот ко мне пришла хорошая мысль.

Сколь велик казался контраст между тем миром, который раскрывался в моём первом путешествии из Москвы в Ташкент и тем, в котором я возвращался обратно. Значит, трудились все, трудился народ, и это дало плоды.

В Москве я снова поселился на площади родителей. Только за прошедшие семь лет там произошли значительные перемены. В 1952 году я похоронил отца. Его сбила электричка. Для меня это была тяжёлая утрата.

В МХТИ и на кафедре №44, которой заведовал профессор Г.К. Боресков, меня встретили весьма доброжелательно. Все

помнили наш первый исторический выпуск и меня в том числе. Но теперь я вернулся как с фронта. К тому же руководителем моей аспирантской работы стал сам Г.К. Боресков.

С первых же дней моего пребывания в новой роли я обратил внимание на то, что весь персонал кафедры обожал своего заведующего. Он был для них почти божеством. И я заметил, что он воспринимал это как должное.

Двадцатого апреля я участвовал в приветственной церемонии кафедры по случаю пятидесятилетия Георгия Константиновича. Это был день всеобщего возбуждения и переполоха. Мы организовали цветы и подарки, готовили и произносили приветственные речи. В этот день он предстал перед всеми в расцвете яркого букета своих достоинств. Сотрудники восторгались, студенточки почти падали в обморок, и их глаза будто звали: «бери меня, срывай капроны...» В целом все прошло в хорошей доброжелательной атмосфере. К тому времени стаж моего знакомства с Г.К., как мы его называли, составлял уже 8 лет. Ведь наши отношения не прерывались и в годы моей работы в Узбекистане. Он дважды приезжал в Чирчик и посещал мой «водородный» объект. И такой стаж нашего знакомства давал мне возможность всё происходящее воспринимать более трезво и объективно.

Кандидатские экзамены

В первом году аспирантуры я планировал сдать все кандидатские экзамены, выбрать и теоретически проработать тему диссертации. На фоне воспоминаний о напряжённой и захватывающей жизни в Чирчике вся аспирантская суэта мне показалась скучной. Я, вроде, снова провалился в студенческую среду. Но возраст и опыт жизни теперь её уже не воспринимали. И тут, как из далёкого забытого

сна, передо мной возникли картины моего кратковременного пребывания в детском садике. Странная ассоциация... Мне было так же приятно смотреть на суету в этом студенческом мире, но вписываться в него желания не возникало.

Начали оправдываться мои опасения насчёт выбора курса моего движения. Вот я снова в моём МХТИ, в той стране, где когда-то был счастливым и совсем другим. Я обошёл все закоулки Института, с которыми были связаны мои яркие воспоминания. Как много стихов было написано мною в те годы, где-то промелькнуло даже сожаление, что по мере возмужания я постепенно уничтожал те из них, которые казались мне слишком вдохновенными или чрезмерно субъективными. Писать стихи я продолжал и в Чирчике. Значит, и там были для меня источники вдохновения. И тут я поймал себя на мысли, что вот я вернулся в страну моей вдохновенной юности, но то вдохновение ко мне не вернулось. Впервые я почувствовал великий смысл слов «всё проходит» и «никогда не возвращайся». Повторить можно только в памяти. Её можно унести с собой в любую страну, пока она не завершит свой ход. Но здесь я оказался сторонним наблюдателем. Я будто созерцал кинофильм о моём прошлом, но быть его участником не мог. Почему-то, вдруг, вспомнил афоризм о том, что ощущение курицы в бульоне может оценить только курица. Это был очередной урок жизни, и стало ясно: нужны серьёзные решения. Урок пришел не с запозданием: сегодня или никогда... Потому что силы появляются в действии и теряются в ожидании.

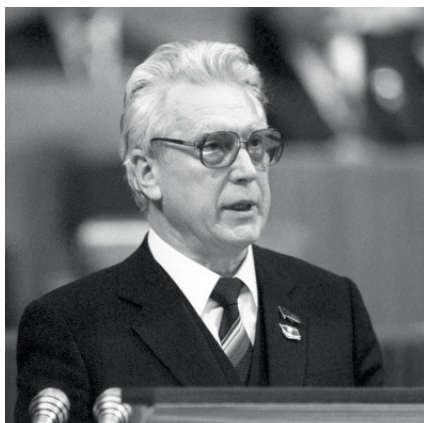
В 1957 году я всё же выполнил мою основную задачу: я сдал все четыре кандидатских экзамена (один из них по спецкурсу). Коротко вспомню об этих

экзаменах, потому что в них было редкое своеобразие.

Экзамен по философии принимал у меня заведующий кафедрой толковый, не замороченный и трезво мыслящий профессор. Он поставил мне оценку «пять», даже пожал мне руку и сказал, что почувствовал зрелость, родственную душу и правильное понимание предмета. Как оказалось, он знал о том, что я аспирант с семилетним стажем работы на закрытых объектах, чем он и объяснил мою «зрелость и правильное понимание предмета». Мне показалось, что эти слова были его намёком...

Экзамен по физической химии принимал у меня заведующий кафедрой профессор Горбачёв. Эта экзекуция мне запомнилась навсегда. Физическую химию я изучил основательно и сегодня могу лишь сожалеть, что память человеческая не вечна. Он назначил начало экзамена на утро. Мы вошли в его кабинет. Все стены были заставлены полками с книгами по любым разделам химических и физических наук.

Он предложил мне сесть за его стол. Затем написал несколько вопросов, сказал, что при подготовке я могу пользоваться любой литературой в этом кабинете и ушёл читать лекцию студентам. Пользоваться литературой я не стал, ответы написал. Пришёл профессор, посмотрел мои листки, задал мне несколько смежных вопросов по теме. Я ответил на них. Он удовлетворённо покачал головой, написал ещё несколько вопросов по другим разделам и снова ушёл на занятия со студентами. Так продолжалось и повторялось до обеда. В обеденный перерыв он предложил мне сходить в буфет и вернуться через 1,5 часа. Такой процесс стал напоминать мне нечто вроде испытательного прогона нового не обкатанного устройства с целью определения его ресурса.

П.Н. Демичев, министр культуры СССР

Две встречи с П.Н. Демичевым, 1947 г. - Миусы

Уже на первом курсе меня, как активного комсомольца приметил и стал опекать секретарь партбюро МХТИ П.Н. Демичев. В МХТИ на последние курсы для завершения учёбы и получения диплома он был переведён из военно-химической академии в связи с тем, что угроза химической войны с Германией отпала. Это был умный, энергичный, порядочный и открытый для людей человек. Он умел подбирать, как тогда говорилось, актив. После окончания МХТИ он сразу пошёл «в гору» по партийной карьере. В 1946 году он был уже секретарём Советского райкома партии г. Москвы. По тем временам это был уже почти Олимп. В этом районе располагался и наш МХТИ.

Я вспоминаю это столь подробно потому, что П.Н. Демичев сыграл неопределимую роль в моей жизни.

Есть поговорка: «Не чирикай, а то накаркаешь». И я «накаркал». Зимой 1947 года, когда я учился на 3-м курсе, в моей жизни произошло «ЧП». как говорится, судьбоносного масштаба. Произошло оно на фоне событий в Китае. В 1946 году Чан-Кай-Ши развязал гражданскую войну против народно-освободительной армии (НОА) Китая, которой руководил Мао-

Цзэдун. Эта война завершилась победой НОА в 1948 году, а 01.10.1949 г. была провозглашена КНР. В течение всей этой войны мы поддерживали НОА Китая и приветствовали её победу с ликованием. Была тогда популярная китайская песня «Алеет Восток» и, кажется, в ней был припев: «Сталин, Сталин – Мао-Цзэдун – Мао-Цзэдун»... Исполнялась она во славу этих лидеров китайцами каким-то писклявым голосом. Я не разделял никаких теплых чувств и надежд относительно исторических перспектив этой любви. Однажды я в довольно резкой форме и публично заявил, что когда мы их «экипируем», они «скушают» нас. Это было равносильно выражению вотума моего недоверия к политике «отца народов». И здесь я подошёл, выражаясь языком термодинамики, к точке бифуркации. На меня сразу же было «заведено дело». Готовилось исключение из МХТИ и «путешествие» на «задворки империи».

Далее я не буду предаваться воспоминаниям, скажу лишь, что спас и уберёг меня П.Н. Демичев. Однако, хотя тогда я и залёг «на дно», я и сегодня остаюсь при своём мнении.

1980-е – Новосибирск

...Здесь я вспомнил встречу, которая произвела на меня сильнейшее впечатление. Она произошла в самом начале восьмидесятых годов. В Монголии состоялось совещание министров культуры стран Социалистического лагеря. СССР представлял кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П.Н. Демичев. Тот самый Демичев, который в бытность мою студентом МХТИ спас меня от карающей фемиды органов безопасности Страны. В воспоминаниях о моей первой жизни я уже писал, что за резкие и мрачные публичные прогнозы в наших отношениях с Китаем меня «паковали» к ссылке

«на химию» куда-то в закрытую зону за Урал. П.Н. Демичев тогда был секретарём райкома как раз того района города Москвы, где размещался МХТИ. Это был район его ответственности. Был Демичев тогда трезвым, думающим, энергичным человеком. И он уберёг меня.

С тех пор прошло более тридцати лет. И вот он возвращается из Монголии с остановкой в Новосибирске. В его программе значится посещение нескольких институтов Сибирского отделения РАН. Он — химик по образованию и в план посещений был включён Институт катализа. В Президиуме Сибирского отделения — переполох. Такая персона! Всех свистать наверх! Но произошла организационная неувязка. Вдруг оказалось, что наш директор — Г.К. — по какой-то причине не был предупреждён о точном времени посещения. В это самое время он сидел в самолёт Москва-Новосибирск. Исполняющим обязанности директора был я. Все занервничали. Менять программу было уже поздно. Меня срочно инструктировали, как встречать высокого гостя: я должен был стоять на крыльце главного корпуса Института. Подъедет кортеж машин, остановится. Я ровным шагом иду к машине П.Н. Демичева. Один из членов Сибирского отделения меня представляет Демичеву. Я приветствую его и приглашаю в Институт. Там я сопровождаю его по намеченному маршруту и рассказываю об Институте. Я, конечно, тоже волновался. Никто не знал о моей давней истории с Демичевым в МХТИ. И я решил, что за давностью лет он меня забыл и не узнает. Так что нужно было лишь выполнить намеченную программу. На неё отпускалось всего около тридцати минут. И вот я стою на крыльце и со мной несколько членов Президиума. Подъезжают и останавливаются три машины. Я иду как запрограмми-

рованный к машинам. Выходит П.Н. Демичев в сопровождении элегантных дядь. Я смекнул, что, по крайней мере, трое из них — охрана. И тут произошло то, что всех повергло в оторопь и счастливо поломало весь этикет и всю прогамму. Демичев увидел меня: «Роман?! Вот это приятный сюрприз, вот это встреча!» - воскликнул он как-то очень искренно и натурально, забыв о церемониале. Растерялся и я. Он протянул мне руку: «Ну, ты не меняешься... Или тебя теперь на «Вы»...?» Наконец вся сопровождающая свита поняла суть сцены, заулыбалась и облегчённо вздохнула. «Ах, Пётр Нилович! У Вас поразительная память! Это просто невероятно! Ведь я был тогда всего лишь студентом... Но Вы не прошли мимо...» Представляя Демичеву мою персону уже не требовалось. Мы вошли в Институт. В кабинете мы задержались минут на десять. Я кратко рассказал об Институте. Чувствовалось, что Демичев очень сожалел, что присутствие участников встречи не позволяло ему поговорить со мной просто о тех временах и наших общих знакомых, когда мы были молодые и имели право на простые человеческие отношения.

Затем я повёл его по заранее намеченному маршруту в лаборатории. Здесь он воспользовался возможностью как-то пообщаться лично со мной. Я пытался выполнить намеченную программу, но он постоянно переводил разговор на воспоминания: «Вот ты удивился, что я не прошёл мимо судьбы какого-то студента... Ты для меня был единомышленником. А это не просто студент. Я защитил правду, о которой в то время нельзя было говорить открыто. Но в твоём возрасте ты выглядел провидцем, хотя я думал так же. И первый гром уже прогремел на границе с Китаем на Даманском. Так что я думаю, что наши предсказания и те-

перь остаются в силе».

Так мы успели поговорить о многом под видом обсуждения проблем химии и катализа. По поведению Демичева я заметил, что он теперь пребывает на столь высокой вершине, что общение без свидетелей с друзьями и вообще с рядовыми людьми превратилось для него в недоступную роскошь, которую мы, рядовые граждане, просто не замечаем. В то же время я заметил, что он сохранил молодость «души» и простоту в общении, здоровое мышление и целеустремлённость, искренность и доброжелательность. Да, подумал я, вот и ещё одна несвобода, лишаящая правительство связи с народом. Может быть, отсутствие этих связей и привело к столь абсурдным представлениям о положении дел в Стране, что правительство объявило о построении в СССР развитого социализма. И даже такие умные обитатели этого Олимпа как Демичев, не смогли вразумить кремлёвских фантазёров.

Так двадцать минут нашей запланированной экскурсии были использованы на незапланированный разговор. На прощание Демичев как-то по-дружески пожал мне руку: «Я рад был этой встрече и её содержанию... Спасибо... Звони мне, если что...» И они уехали. И тут я вспомнил, как где-то в пятидесятых годах во время визита на мой «водородный» объект И.В. Курчатова при отъезде сказал мне: «Вот теперь мы — коллеги... Вы можете звонить мне...» И уехал. Такое приглашение на телефонный разговор свидетельствовало или о полном отрыве от реальности, или было просто «правилом хорошего тона». Как звонить на Олимп, для меня осталось загадкой.

Проводы Г.К. Борескова

12 августа 1984 года послеоперационный тромб закупорил

Академик Г.К. Боресков, первый заведующий кафедрой технологии разделения и применения изотопов МХТИ 1949-1959 гг.

и остановил его сердце. Г.К. Борескову было тогда 78 лет.

В это время исполняющим обязанности директора был я. К.И. Замараев находился в какой-то командировке. Ю.И. Ермаков — в отпуске, отдыхал на Северном Кавказе. Так что все ритуальные проблемы, связанные с этой трагедией, ложились на меня.

Был вечер, когда поступило сообщение о смерти Г.К.. Председатель Президиума СО АН СССР В.А. Коптюг в этот час оказался дома. Я позвонил ему, информировал о событии. Мы договорились, что с самого утра я создам комиссию по организации похорон и определю сотрудников, которым поручу обеспечить транспортировку тела Г.К. из Москвы в Новосибирск.

Прилетел К.И., и мы вместе завершили эту печальную эпопею. Похороны были организованы пышно и торжественно. Прощальная панихида состоялась в большом спортивном зале Дома учёных СО АН. Стены зала были задрапированы траурными полотнищами. В центре зала был размещён гроб с усопшим. Вокруг него — горы цветов. Траурные речи руководителей СО АН и многих со-

трудников. Выступил и я. Гроб выносила группа сотрудников, наиболее близких к Г.К., среди них был и я.

День выдался жарким и солнечным, как будто природа не верила в происходящее. Длинная вереница машин с провожающими растянулась почти на весь Морской проспект.

Портрет Борескова: неубиленные заметки

Уходил человек, к которому мы так привыкли, как парижане к Эйфелевой башне. Он был символом Института на протяжении 26 лет. Он был носителем всего того, что об Институте знало и не знало мировое научное сообщество.

Какие чувства испытал я в связи с его кончиной? Главное — чувство большой утраты и... навязчивое чувство жалости к этому незаурядному человеку. Это чувство жалости у меня возникло ещё раньше. А во время нашего последнего совместного пребывания в Москве оно из интуитивного перешло в осознанное. Там наше общение открыло для меня ранее неизвестную, скрытую от всех личность Г.К. И для меня возник вопрос. Я искал на него ответ. Я чувствовал сильную потребность сформулировать для себя логику моего чувства жалости к этому большому человеку и надеялся на его помощь. Но он не успел довести наш диалог до доверительного откровения. Мне оставалось искать ответ дедуктивным методом.

Несмотря на то, что наши убеждения, идеалы и понимания во многом расходились, а порой были антиподами, я уважал этого человека как личность, как деятеля, как феномен. Он был одарён умом, выдержкой, характером, своими собственными убеждениями, хорошими манерами и большой работоспособностью. Но в тайниках его убеждений, настроений, предпочтений, понятий и вооб-

ще собственного набора единиц измерений и оценок было много негативного, того, что он умело скрывал от среды обитания, в которой вынужден был жить. И всё же, это порой неизбежно вырывалось наружу, на суд людей, вызывало неприязнь, а иногда и враждебность. И, как следствие этого, в Институте возникали болезненные перекосы и даже противостояния отдельных групп сотрудников.

В повседневном обиходе у людей прижилась легковесное оправдание таких людей, сформулированное в афоризме: «Недостатки человека — это обратная сторона и продолжение его достоинств». Однако в данном случае всё было сложнее. Иначе его уход из жизни не вызывал бы такого чувства жалости. И это требовало более глубокого анализа.

Я думаю, что знал этого человека более, чем кто-либо. Даже М.Г., его единственный многолетний друг, который, в конце концов, стал его ярким идейным врагом, знал Г.К. хуже, чем я. Вследствие своей эмоциональности он часто не мог быть объективным ни в состоянии восторга от друга, ни в ненависти к врагу. Я же лично знал Г.К. с 1949 года, 35 лет! И, конечно же, был осведомлён о его «жизне» лет за 5-6 до нашего знакомства. И он никогда не вызывал у меня того возбуждения, которое искажает представление об объекте, как кривое зеркало. Увы, он всегда относился с настороженностью к тем, кто знал о нём больше, чем ему хотелось бы. В наибольшей степени это относилось ко мне.

Для того, чтобы понять истоки поведения человека, его внутренние побуждения, которые им управляют, нужно воссоздать хотя бы основной вектор его мировоззрения, который часто бывает глубоко законспирирован и заgrimирован. Это — наиболее сложный аналитический процесс.

Многие годы близкого знакомства и сотрудничества с Г.К. давали мне надежду. После долгих размышлений я пришёл к заключению, что этот вектор у Г.К. был расщеплен. Это была его внутренняя трагедия. Трагедия раздвоения мира и личности. Он жил с ней, привык к ней и умел её искусно скрывать.

Одна его часть состояла в том, что идеи коммунизма и сама Советская власть были для него чужими. Он бесконечно ненавидел Сталина и все, что с ним связано и постоянно жил в объёме этой опасной ненависти. Он по-своему любил Россию, но не СССР. Был ей предан, был её патриотом, но жил как будто нелегальный «легал».

Другая его часть была как сновидение, как окрашенные в розовый цвет детские воспоминания того мира, в котором ветвилось его родовое древо. Что же касается Сталина, то однажды имела место такая сцена. По случаю какого-то торжества у меня дома собралась компания близких коллег. Среди прочих были и все члены дирекции. Все были «под шафе» и в хорошем настроении. Г.К. вошёл в мой кабинет и рассматривал научную литературу. Вдруг, среди книг он увидел крупную фотографию Сталина. Г.К. остолбенел и побледнел. Сталин курил свою трубку и с прищуром смотрел на Г.К. Хриплым и даже трясущимся голосом Г.К. произнёс: «Роман Алексеевич! Это серьёзно?! Как Вы можете?!» Я попытался его успокоить: «Георгий Константинович, дело не в фамилии, дело в том, что России нужны государственники...» Г.К. ещё минуту стоял неподвижно, затем он вышел в зал, где веселилась компания, но до конца встречи он оставался задумчивым молчаливым. О чём он думал...?

Я уже размышлял о чувстве предназначения. По-видимому, любой незаурядный человек в той или иной мере от рождения наделён чувством своего пред-

назначения. — Это почти как генетическая запрограммированность. Но большинство из них об этом просто не догадывается. Это чувство раскрывается и наполняется конкретикой, когда человек, вдруг, находит ту цель, которая его вдохновляет. И в этой цели он может найти ту самую сокровенную мечту и смысл своей жизни, задействовав чувство предназначения.

У Г.К., несомненно, было это волшебное чувство, этот эликсир вечности. Но это лишь углубляло трагедию. Расщепление его внутреннего вектора, раздвоение личности не позволяло ему в полной мере реализоваться. Такова была его трагедия. Он ненавидел Сталина, но стал Лауреатом Сталинской премии. Он любил Россию, но не социалистическую. Однако стал Героем Социалистического труда. Он не питал тёплых чувств к советскому правительству, но принимал из его рук ордена за свои заслуги. КПСС для него была чужой пугающей цивилизацией, но все его замы были членами этой партии. Все это влияло на многие черты его характера, на его симпатии и антипатии, а, подчас, и на слепоту, в которой реальность возникала для него не из среды обитания, а из его неадекватного восприятия этой среды. Это влияло на все его решения, на всю его жизнь. Это лишало его возможности иметь близких друзей, прочерчивало незримую границу между ним и коллективом. Увы, это же стало причиной ряда его слабостей. Он любил поклонение и лесть, порой в этом не мог отличить фальшь от истины. Для подхалимов и лицемеров это создавало благоприятные возможности.

Любовь к лести и почтению в какой-то мере связана с желанием признания своего превосходства перед толпой. И хотя льстецы по определению — подхалимы, а в высшей стадии зрелости — подлецы, без них жизнь казалась не полной.

С другой стороны жажда иметь поклонников — это скрытая и неосознанная форма какой-то ущербности.

И всё же, бесспорно надо признать, что в работе Г.К. отдавал себя всего. Он был символом Института и потому, что был его директором и ведущим учёным, и потому, что это льстило его тщеславию и самолюбию. Так что все почести от Советской власти он получал заслуженно. И, тем больнее, было сознание того, что при всём этом у него не было сокровенной мечты. Он не был Дон Кихотом и понимал, что она, его сокровенная мечта, в его реальной жизни выглядит утопией.

После нашей последней встречи в Москве я пришёл к заключению, что Г.К. интуитивно чувствовал, что скоро и нежданно уйдёт из жизни. Это было поразительное предчувствие, которое так скоро и трагично сбылось. И он впал в размышления о прожитых десятилетиях. Такие размышления не допускали лицемерия перед самим собой и породили в нем много сомнений в привычных и, казалось, в устоявшихся оценках своей жизни. Это чувство нарастало, но оказалось, что Г.К. был трагически одинок. У него не было того друга, который бы мог его понять и сохранить тайну исповеди. Раньше ему казалось, что таким другом был М.Г. Но это было лишь заблуждение. И это заблуждение лишней раз свидетельствовало, что Г.К. разбирался в людях неглубоко. Впрочем, это было следствием всё той же отчуждённости от «толпы».

Но вот, из ниоткуда над Г.К. нависло это роковое предчувствие. Он не был готов к нему, и возникла неодолимая потребность в исповеди. Но в исповеди не перед случайным слугой Бога, затворившимся в своей исповедальной конуре, а перед человеком Земли, который много лет его знал. Во время нашего пребывания в Москве

его предчувствие передалось мне в форме обострённой жалости к нему, чувства неосознанного раскаяния и готовности к взаимному исповеданию. Но роковой эпилог стал иным.

О Г.К. можно было бы написать интересную книгу, а не скучные воспоминания его ослеплённых поклонников и экзальтированных дам. Но её не напишут. Для этого нужен человек, которого нет.

В 1997 году по случаю 90-летия со дня рождения Г.К. наш Институт (ИК) издал книгу «Академик Георгий Константинович Боресков. Очерки, материалы, воспоминания» объёмом 460 страниц. Двадцать шесть поклонников Г.К., среди которых оказался и М.Г. из того далёкого прошлого, когда он был ещё фанатичным другом Г.К., написали о нем короткие восторженные заметки. Образ удивительного, неповторимого Человека и учёного получился с селективностью 100%.

Все поведанное о нем — правда, как правда и то, что в районе экватора жарко. Однако поверхность Земли не ограничивается районами экватора. Но об этом писать к юбилею не принято. Так что вполне логичное и правдивое юбилейное издание о Г.К. закономерно и легитимно. Оно лишь подтверждает тот факт, что мастерская по изготовлению Богов находится на Земле. А Боги, безусловно, нужны, особенно для воспитания молодой верующей паствы. Однако даже церковь и религия избегают однополярных конструкций и для большей убедительности признают законное бытие Дьявола. Таким образом, вопрос лишь в том, что мы хотим: портрет гения для служебного пользования и поклонения или реальный литературный образ со всеми сложностями живой личности, образ для мыслящих людей. В этом смысле для такого повествования автора не нашлось, а значит, и не найдётся.

**Центр истории
РХТУ им. Д.И. Менделеева**